83.3(2Рос=Рус)1л Скр
А80

1Ф55Кр
А 809

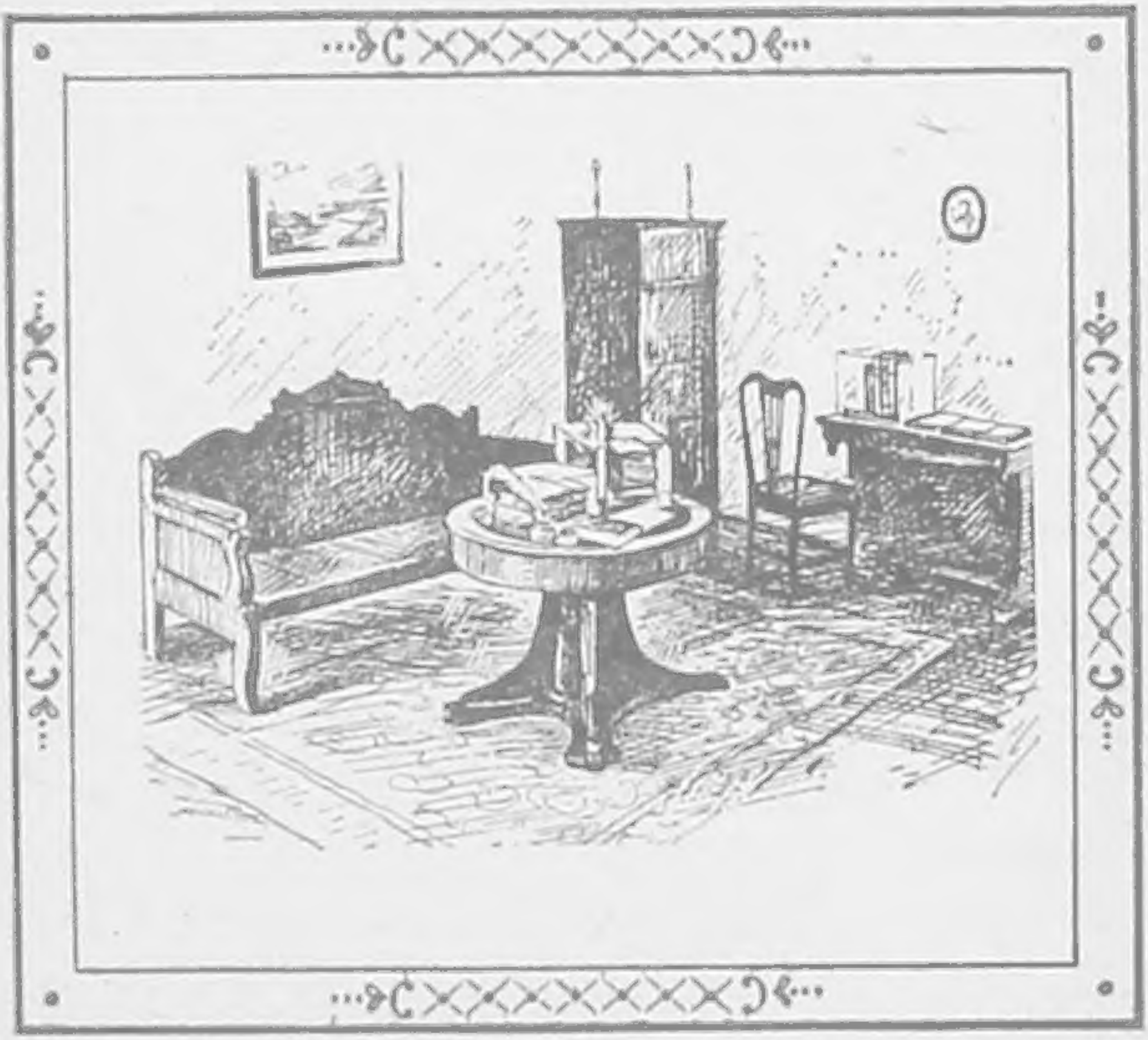
МУЗЕЙ – УСАДЬБА В.Г. БЕЛИНСКОГО

Арзамасцев В.П

997863

OF

В. Бѣлинскій



САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

83.3(2Рос=Рус)1л6юр
А80

В. П. АРЗАМАСЦЕВ, Е. А. ГРАЧЕВ

МУЗЕЙ-УСАДЬБА В.Г. БЕЛИНСКОГО

ПЕНЗЕНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
— 1979 —

8Р1(069)
А 80

997863
Пензенская Област.
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова
2019

Арзамасцев В. П., Грачев Е. А.
А80 Музей-усадьба В. Г. Белинского. [Путеводитель]. Саратов. Приволж. кн. изд-во, 1979. 102 с. с ил.

Это краткий путеводитель по мемориальному комплексу, где прошли годы детства и юности В. Г. Белинского. Авторы раскрывают истоки формирования его мировоззрения, показывают роль чембаро-пензенской среды в становлении свободолюбивых взглядов будущего литературного критика и революционного демократа.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

20904
64-79

8Р1(069)

© Приволжское книжное издательство, 1979.

Имя Белинского навеки вписано в славную историю нашей Родины. Он с нами, и он войдет в жизнь будущих поколений советского народа.

«Правда», 7 июня 1948 г.

В самом центре города Белинского (так называется бывший Чембар с 1948 г.), районного центра Пензенской области, выделяется один квартал. К нему постоянно течет огромный людской поток, подъезжают автобусы и автомашины. Квартал ограничивается улицами Барышева, Лермонтовской, Коммунальной и той, что носит имя великого литературного критика, мыслителя и общественного деятеля. Большую часть этого квартала занимает территория Государственного музея-усадьбы В. Г. Белинского. Единственный в стране музей, посвященный критику, был открыт в мемориальном домике семьи Белинских в 1938 г. В последующее время музею были переданы другие здания, значительно расширена его территория. На улице Белинского по-прежнему стоит скромный мемориальный домик, рядом с ним ведутся большие ремонтные работы в большом старинном особняке, когда-то принадлежавшем богатому чембарскому купцу Антюшину. На улице Лермонтовской находится здание Чембарского уездного училища, тесно связанного с именем критика. Вход в музей — с улицы Барышева, на которой расположен экскурсионный павильон: здесь производится оформление экскурсий.

В последние годы мемориальные здания тщательно реставрированы, здесь открыты новые экспозиции. Материалы, представленные в них, органически сочетаются с самими исто-

рическими памятниками: действующие экспозиции освещают в основном чембаро-пензенский период жизни критика. Размещенная в мемориальном домике экспозиция называется «Семья Белинских», в уездном училище — «Юность неистового Виссариона». Экспозиции созданы в 1976 и 1977 гг. коллективом сотрудников Объединения государственных литературно-мемориальных музеев Пензенской области В. П. Арзамасцевым, Е. А. Грачевым (авторы научной концепции и тематико-экспозиционных планов), В. И. Лушниковым и художниками Пензенского художественного фонда Е. И. Соколовым и В. И. Чернышовым (архитектурно-пространственное решение и художественное оформление).

На пензенской земле, «в глуши провинции», прошли детские и юношеские годы Белинского, здесь были заложены основы его взглядов на жизнь и литературу.

В будущем намечено разместить в отреставрированном доме Антюшина экспозицию, посвященную литературной и общественной деятельности критика, — «Я в мире боец». Так говорил о себе сам Белинский.

II

СЕМЬЯ БЕЛИНСКИХ

Хочется вздохнуть воздухом родины, взглянуть на места, где провел детство, где «много милого любил, где обнял грозное страданье», хочется побеседовать с вами, милыми сердцу.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

Поздней осенью, в последних числах ноября 1816 г., в город Чембар Пензенской губернии приехал новый уездный лекарь Григорий Никифорович Белынский. Вместе с ним прибыли жена Мария Ивановна, дети: Виссарион, Константин и Александра. Переезд в Чембар не был для Г. Н. Белынского случайным: он возвращался в родные места, которые покинул 12 лет тому назад. Он родился в 1784 г. в Нижнеломовском уезде, в селе Белыни, от которого получил свою фамилию. Впоследствии его сын Виссарион, великий мыслитель и литературный критик, изменил в ней одну букву [1].

---

[1] Ниже в путеводителе везде принято наименование членов семьи критика «Белинские», кроме тех случаев, когда в цитируемых документах встречается первоначальное написание фамилии.

Г. Н. Белинский был образованным врачом: поступив в 1804 г. в Петербургскую медико-хирургическую академию, он в 1809 г. был выпущен из нее кандидатом медицины, затем семь лет прослужил в русском военном флоте на Балтийском море, участвовал в войнах с наполеоновской Францией. В 1816 г. он вышел в отставку.

В Пензенской губернии по-прежнему проживали его отец Никифор Трифонович, братья Кузьма и Андрей, сестры Ксения и Мария, их многочисленные дети и внуки.

В Чембаре семья Белинских купила небольшой дом на Базарной площади, который «Ведомость об описи и оценке домов за 1818 год» охарактеризовала как «штаб-лекаря Григория Белынского со всем строением и усадебным местом — 500 рублей — доходу никакого». В этом доме, состоящем из восьми комнат, В. Г. Белинский жил безвыездно до августа 1825 г., когда он поступил учиться в Пензенскую гимназию. Затем в родной дом он наведывался не реже четырех раз в год: на рождество, масленицу, пасхальные и летние каникулы — до 1828 г. С декабря 1828-го по конец августа 1829 г. будущий критик, уйдя из гимназии, здесь готовился к поступлению в Московский университет. Последний раз Белинский навестил дом родных летом 1830 г. студентом, приехавшим на «вакации». В общей сложности с чембарским домом связана почти треть жизни В. Г. Белинского, в Чембаре сформировался его характер, здесь он выучился читать и писать, познакомился с русской и мировой литературой, наблюдал жизнь уездного дворянства и чиновничества, имел возможность сравнить ее с существованием русских и мордовских крестьян, приходивших лечиться к его отцу. Здесь сформировалось то отношение к народу, которое афористически выразилось

Дом, в котором прошли годы детства и юности В. Г. Белинского

в словах критика [illegible] любовь русского человека и веру [illegible] будущность России».

Дом, в котором Белинский провел детство и юность, имел трудную судьбу. После смерти родителей критика (мать скончалась в августе 1834 г., отец — [illegible]) [illegible] Константина Александровича [illegible] 1847 г. [illegible] Н. П. [illegible]. В 1855 [illegible] [illegible]. После установления Советской власти в Чембаре [illegible] Белинского [illegible] [illegible].

ляя Чембарскому земству домик, чтобы устроить в нем библиотеку-читальню имени своего великого земляка, не увенчались успехом: так как купец Антюшин, не желая расставаться с доходным домом на бойком для торговли месте, запросил за него непомерную сумму в 10 000 рублей

Открытие дома-музея на родине критика состоялось в июне 1938 г. благодаря содействию Н. К. Крупской и стараниям местного энтузиаста А. Н. Храмова. Для создания первой экспозиции были найдены у родственников семьи Белинских некоторые мемориальные вещи, часть мебели закупили у чембарских старожилов, часть передали московские музеи.

В 1973 г. была завершена полная реставрация дома, были устранены те изменения, которые внесло время в его внешний вид и внутреннюю планировку. Скромный деревянный домик, крытый тесом, с оригинальной башенкой-светелкой стал ценным историческим памятником. В переписке критика с родными упоминались прихожая, кабинет, гостиная, или горница, спальня, столовая, буфетная, детская, кухня, приемная для больных — в этих комнатах теперь размещается мемориально-бытовая экспозиция «Семья Белинских». Она была открыта 5 июня 1976 г. Ее созданию предшествовала большая научная работа сотрудников музея: изучены сохранившиеся письменные архивные документы, прежде всего переписка В. Г. Белинского с родными (известно 41 письмо критика в Чембар и 127 писем его родственников за 1829—1848 гг.), сведения, зафиксированные мемуаристами, лично знавшими семью чембарского уездного лекаря (Д. П. Иванов и Н. Н. Щетинина) или близких к ним людей (П. К. Шелгов, Н. Рыбкин, М. Н. Храмова). «Перекрестная проверка» позволила выявить достовер-

ные подробности о жизни семьи Белинских — материальном положении, культурных интересах, многие бытовые детали. Ценнейшие сведения содержатся в критических статьях и рецензиях самого В. Г. Белинского, где приводятся его заметки-воспоминания о доме, усадьбе, любимых книгах, местах, где прошло детство. Много интересных материалов о врачебной деятельности Г. Н. Белинского хранится в Государственном архиве Пензенской области. Чембарский период жизни В. Г. Белинского также подробно освещается и в работах советских литературоведов, прежде всего стоит назвать фундаментальную книгу В. С. Нечаевой[1].

Через предметы обстановки, быта, вещи эпохи, книги, рукописи и документы[2], собранные благодаря кропотливой работе, в экспозиции воссоздается достоверная картина жизни семьи уездных разночинцев, объясняющая многие обстоятельства, способствовавшие формированию чувств и мыслей будущего знаменитого литератора.

Теперь, как и 150 лет тому назад, посетители поднимаются по крылечку на веранду и входят в переднюю, из которой одна дверь ведет в приемную для больных, другая — в рабочий кабинет Г. Н. Белинского. «На крыльце дома встретили нас Александра Григорьевна и Никанор», — сообщал подробности своего посещения семьи друга Д. П. Иванов 11 сентября 1831 г. — В передней нам

---

[1] В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности. 1811—1830. М., Изд-во АН СССР, 1949. См. также сборник статей и материалов «В. Г. Белинский. 1848—1948». Пензенское областное издательство, 1948.

[2] Рукописи и документы представлены в репродукциях. Мемориальные вещи в путеводителе называются особо, предметы эпохи отдельно не оговариваются.

[illegible] бабушка Мария Ивановна[1]. Сейчас посетители могут увидеть в [illegible] находившиеся в этом доме

Приемная для больных

Уездный лекарь принимал больных на дому: в первые годы его службы в городе не было никакой больницы. Сначала прием проводил в кабинете, но [illegible] больных, в [illegible] пришлось пристроить специальное небольшое помещение

Характер деятельности Г. Н. Белинского был сложен. [illegible] приходилось обслуживать [illegible] Виссариона Григорьевича [illegible] пасть» — так в спешке закончила свое письмо М. И. Белинская 3 марта 1832 г.

По [illegible] городе [illegible] Ф. П. [illegible] лекарствами и деньгами для содержания[2].

Врачебная практика не ограничивалась только

[1] Литературное наследство т. 57. В. Г. Белинский. М., Изд-во АН СССР, 1951, с 186

[2] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., «Художественная литература», 1977, с. 31.

Чембаром, многочисленные случаи и служебные дела вынуждали лекаря постоянно разъезжать по всей округе, об этом напоминает посетителям дорожная шкатулка с набором инструментов и медикаментов. И вряд ли кто так хорошо знал теневые стороны провинциальной действительности, как Г. Н. Белинский. Ему приходилось постоянно видеть личные и общественные страдания, горе слабых и произвол власть имущих. Немало мог узнать от него и сын Виссарион.

В официальной «Инструкции о должности уездного врача», которая была прислана пензенской врачебной управой вместе с книгой «Полицейская и судебная химия для руководства при полицейско-врачебных и судебно-химических следствиях», о помощи больным не упоминалось вообще. Главные функции — чиновничьи и полицейские. Вот одно из свидетельств о смерти человека, составленное Г. Н. Белинским: «1823 года, ноября 21 дня чембарский штаб-лекарь Белынский по сообщению чембарского городничего Лозовского свидетельствовал обще с ним и уездным стряпчим Васильевым скоропостижно умершего крестьянина г-на Богданова Абрама Алексеева, на теле которого по осмотру наружных знаков к отнятию жизни не оказалось, кроме изнурения оного..., и смерть ему последовала от слабости сил, приличной престарелому чину, имевшему около 65 лет...».

Абрам Алексеев умер как от истощения крепостной человек, принадлежавший помещику села Балкашино Богданову. Спустя три года балкашинские крестьяне, выведенные из терпения нищетой, а также издевательствами своего хозяина, попробовали искать справедливости у уездных и губернских властей. Волнение в селе Балкашино было подавлено воинской силой.

О лекарских обязанностях Григория Никифоровича говорят и три находившиеся в его приемной лубочные картинки, пропагандирующие оспопрививание. Смысл их был понятен и непросвещенным, неграмотным крестьянам. На одной из них изображены две группы детей: в первой стоят дети с обезображенными оспой лицами, во второй — здоровые и красивые ребята: им была сделана прививка коровьей оспы.

Г. Н. Белинский не только сам занимался оспопрививанием и пропагандировал его, но и готовил себе помощников, чтобы оказать помощь наибольшему количеству людей. В рапорте пензенской врачебной управе можно прочитать: «По городу Чембару и округе оного привито предохранительной оспы с 1-го мая по 1-е июня месяца мною шестнадцать, старшим лекарским учеником Герасимовым сто семьдесят две, керенским лекарским учеником в городе и уезде оного старшим Манасеиным двадцати трем, младшим Павловым семидесяти трем младенцам, и о чем сим честь имею рапортовать. Штаб-лекарь Белынский».

Кроме своих непосредственных обязанностей Г. Н. Белинский вел наблюдения за погодой, состоянием посевов, следил за сезонными изменениями в природе. В медико-топографической ведомости за 1823 год, приложенной к рапорту врачебной управе от 15 декабря 1823 г., содержатся интересные сведения: «Зима умеренно холодная, и самые большие стужи простирались до 28 градусов, самое низкое стояние барометра до 4 градусов, снег шел 18 раз. Весна. Дождей было 6 раз, громовых ударов 3 раза. Лето. Жары было 23 градуса и продолжались, начиная с половины июня до сентября месяца, дождей было 2 раза, громовых ударов 2 раза. Осень была [illegible], [illegible], [illegible] было

3 раза, туманов 11 раз, громовых ударов не было. От других годов есть отличается необыкновенною сухостию и теплотою. Замерзание рек произошло ноября 8 числа. Состояние урожая было весьма изобильное, хлебные, кроме худого урожая греч, были посредственны. Съестные припасы в хорошем изобилии. Штаб-лекарь Белынский».

Из приемной крутая узкая лестница ведет в небольшую башенку-светелку, высоко поднимающуюся над домом. В ней и проводил свои метеорологические исследования чембарский уездный штаб-лекарь.

Кабинет Г. Н. Белинского

Многие черты личности и характер Г. Н. Белинского раскрывает экспозиция его рабочего кабинета. Обстановка его скромная: письменный стол, шкаф для книг и медицинских принадлежностей, несколько простых кресел и стульев, характерных для провинции.

На письменном столе рядом с мемориальными вещами Г. Н. Белинского — принадлежавшими ему бронзовой чернильницей в форме статуэтки, изображающей морского пожара, и свечами — лежит любимая его книга «Романы и повести г. Вольтера», изданная в Петербурге в 1805 г., документы, характеризующие его деятельность, часть переписки с сыном Виссарионом. Рядом на стене висят портреты любимых писателей: Вольтера, Ломоносова, Юнг-Штиллинга.

Есть документы и на полках книжного шкафа. Один из них — формулярный список за 1823 г., собственноручно составленный Г. Н. Белинским, кратко излагает всю биографию отца критика. Рядом — серебряная медаль, полученная за участие в войне

Кабинет отца В. Г. Б[illegible]

с Н[illegible] В [illegible] рите[illegible] В [illegible] [illegible] бой ленте

[illegible] Г. И. Б[illegible] [illegible] он открыто высказывал всем и каждому в глаза свои мнения и о людях, и о предметах, о которых им и подумать было страшно. В религиозных убеж-

997863

дениях Григорий Никифорович пользовался репутацией Аммоса Федоровича, с тою только разницею, что не один городничий, но и все грамотное население города и уезда обвиняло Григория Никифоровича в неверии во Христа, нехождении в церковь, в чтении Вольтера, Эккартсгаузена, Юнга — любимых писателей Григория Никифоровича. Все эти обстоятельства заставляли избегать сообщества с врачом, не доверять ему лечения, особенно психических болезней, происходивших вследствие желчного раздражения против провинившихся супругов, вследствие ханжества и ипохондрии. Недоверчивый и подозрительный в высшей степени, Григорий Никифорович смело обличал притворство, неохотно принимался за лечение и даже прямо отказывался от исполнения своих обязанностей там, где болезнь не угрожала видимою опасностию и где могли обойтись домашними средствами и без его пособия»[1].

О хорошей профессиональной подготовленности и широких культурных интересах Г. Н. Белинского говорят выставленные в шкафу вещи и книги. Здесь много медицинской литературы, для обозрения открыты «Врачебное веществословие, или Описание целительных растений во врачестве употребляемых» (Санкт-Петербург, 1783) с гравированным портретом Екатерины II, газета «Друг здравия, или Народно-врачебная газета» (№ 1, 1835). Есть четыре медицинских инструмента, изготовленных полтора века тому назад, — подобными пользовался чембарский уездный лекарь. Ступка для растирания мазей, флакон и две бутылки для лекарств, на одной из которых указана дата изготовления — 1820 г., найдены в подвале дома во время реставрационных

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. [illegible]—31

997863
... Обласг.
...ИОТЕКА
г. ...

работ. На черной полке рядом стоит книга под названием «Жизнь Петра Великого» (Москва, 1788). На той странице, где она открыта, имеется автограф владельца. Перелистывая листы, он расписывается еще раз: «Из книг библиотекаря Белынского».

Отец критика был человеком твердых убеждений среди уездных чиновников и малообразованных людей. Решительный и независимый по характеру, он не боялся вступать в резкие столкновения с богатыми помещиками. Об остром конфликте Г. Н. Белинского с влиятельным помещиком П. А. Мосоловым, чембарским уездным судьей, сообщила 10 декабря 1832 г. сыну М. И. Белинская: «Петра Александровича отдали в уголовную [illegible], а он был до этого немножко нездоров, а как услышал, то и более его придавило. Его требуют или отвезти в Пензу, он сказался больным, наши лекаря не хотят свидетельствовать, [illegible], написали свидетельство, что хотели приехать из Пензы лечить вскоре, а что-то замешкались или, кажется, больной не решился лечиться. Приезжала Анна Петровна и уговорила отца [illegible], [illegible], присылают за нашим лекарем, а [illegible] было, отговорился, не поехал; [illegible], уговаривал сделать ничего не [illegible]. Анна Петровна хотела встать на колени. Не думаешь ли ты, что он поехал? — Ничего [illegible] опасаться. Теперь вот ты о своем отце и подумай, что после этого должен [illegible]. Что же он, после говорил: «А они узнали, что в чем [illegible] не в их [illegible] они могли [illegible] к себе в дом и убить или прибить до полусмерти».

Опасения Г. Н. Белинского относительно семьи П. А. Мосолова, который [illegible] [illegible] были [illegible]

ны. Чембарский уездный судья был замешан в неблаговидных делах по расхищению собственности графов Разумовских в селе Ершово. Что побуждало бы расправиться с бесчестным уездным лекарем, давшим свидетельство не в их пользу, лицам, которые не побоялись совершить аферу с имением крупнейшего помещика и [illegible]?[2]

Ум, образованность, независимость в суждениях и поступках Г. Н. Белинского проявлялись как в общественной, так и в семейной жизни. По словам родственницы Белинских, взгляды отца имели сильное влияние на религиозное и нравственное развитие сына. В. Г. Белинский платил ему искренней признательностью. Д. П. Иванов подтверждал: «По природе своей Виссарион ближе подходил к отцу, чем к матери. Высокие нравственные черты характера, приводящие стойкость убеждений, склонность к шуткам, насмешкам — наследованы от отца, доброе человеколюбивое сердце (Белинский очень любил детей младенческого возраста), впечатлительность, раздражительность, неумеренная чувствительность перешли к нему от матери. Я вполне уверен, что главная симпатия Виссариона принадлежала отцу, и он недаром оплакивал его»[1].

С повестями и романами Вальтера, находившимися в библиотеке отца, Белинский познакомился, когда уже бойко читал по-русски, хотя еще не умел писать. Подробно о взаимоотношениях Г. Н. Белинского с сыном рассказывал Д. П. Иванов: «Я хочу указать на средства, которыми развивал Григорий Никифорович ум и понятия своих детей, и нравственное влияние его на Виссариона, который был любимым его сыном. С самой ранней поры даровитого ребенка отец не мог не заметить в

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 98

остроумия речей, и страсти к чтению, и пытливой любознательности, с которою мальчик прислушивался к рассказам отца о прошедшем и к его суждениям о предметах, занимавших его размышление, и мало-помалу раскрывалась между ними живая симпатия, сохранившаяся навсегда и благотворительно действовавшая на обоих в разных случаях жизни. Виссарион Григорьевич и лицом более всех детей походил на отца и один только рост наследовал от матери»[1].

В Чембаре у Белинских, как видно из формулярного списка лекаря, родилось еще двое детей: в 1818 г. — дочь Мария, вскоре умершая, и в 1821 г. — сын Никанор. Вследствие трудных жизненных обстоятельств Г. Н. Белинский на воспитание младших детей обращал меньше внимания. Со старшими же, Виссарионом и Константином, он проводил много времени. В кабинете Г. Н. Белинского находится еще один мемориальный предмет — старинный шахматный столик. За ним в долгие осенние и зимние вечера отец и сыновья проводили время, играя в шашки.

После переезда старшего сына в Москву Г. Н. Белинский пристально следил за его успехами, заботился о его материальном благополучии, хотя иногда и отчитывал в письмах с суровой прямотой. Одно из них в ксерокопии представлено в его кабинете на письменном столе. «Виссарион Григорьевич! О болезни твоей имел я сведение и нашел, что оная происходит от твоей невоздержности. От чистого сердца желаю тебе посланные при сем письме 25 рублей ассигнациями употребить в пользу облегчения твоей болезни. Я слышал, что ты табак покуриваешь без всякой причи-

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 31.

Гостиная в доме Белинских

ни или надобности. В твоих летах предаваться никакому излишеству, подобному табаку, невозможно».

Гостиная

Письма студента Московского университета в родной Чембар вызывали живейшее внимание всех членов семьи и родственников. О чтении одного из них в комнате дома, которую он называет гостиной, рассказал Д. П. Иванов; в письмах родных к Виссариону эта комната именуется горницей.

Комната обставлена небогатой мебелью: небольшой диван, столик перед ним, четыре удобных мягких кресла, книжный шкаф,— и как напоминание о

семьёй в уездном училище Флоренции и дома с мезонинной стороны первых годов жизни будущего критика, принадлежавших его отцу. Фасадного зала на стенах висели гравированные картины на морские темы: «Залив на Неаполе» и «Буря у берегов Италии», украшали комнаты простые домашние цветы: герань, олеандр, агапантус, розаны и др.

Белинский в детстве очень любил цветы, часто сопровождал отца, собиравшего лечебные травы в окрестностях города и приносил из этих походов, как рассказывали чембарские старожилы, охапки полевых и лесных цветов и расставлял их по всем комнатам дома.

В гостиной уездного лекаря собирались его немногочисленные друзья: муж его родной племянницы Н. Н. Иванов, секретарь уездного суда, смотритель уездного училища А. Г. Грявов, казначей В. Великопольский. С местными помещиками и чиновниками Г. Н. Белинский не ладил. В. Г. Белинский был свидетелем вражды своего отца с чиновником уездного суда Васильевым, отъявленным мошенником. В письме К. Г. Белинского к Виссариону от 19 октября 1833 г. рассказывается: «Стряпчий Васильев и Петр Брызгалов удалены министром юстиции от своих обязанностей за неправильное производство следствия об убитой девице. Генерала крестьянской жены Фроловой своим мужем, они как, не пригласив медицинского чиновника для освидетельствования тела, написали в следствии, что она убита нечаянно, а за это ... Васильев взял 500 рублей с подсудимого». Освидетельствовать тело убитой должен был Г. Н. Белинский. Зная его честность и бескорыстие, Васильев не пригласил лекаря на следствие, так как был уверен, что при нем получить взятку с ответчика не удастся. Еще до этого случая

Константин сообщил брату: «К нам в Чембар приезжал губернатор, который посетил все места и нашел в порядке [illegible] Белинского, а [illegible] его, что [illegible] дела». Белинский рано проявил [illegible] к провинциальному [illegible] в нравах общества чембарских дворян и чиновников [illegible], небольшой и тонкий почувствовал глубокое отчуждение от ветхого мира заштатного городка. Какие-то резкие столкновения с местным обществом случались и у самого Белинского. 9 октября 1829 г. будущий критик с сарказмом писал брату: «Я думаю, что в вашем пресловутом Чембаре очень удивляются, что я принят в Императорский Московский университет студентом. Впрочем, я очень мало дорожу мнением чембарцев. Если меня не умели оценить в Чембаре, то оценят в Москве. Я думаю, тебе известно, что между Чембаром и Москвою есть небольшая разница и что между чембарскими жителями и московскими профессорами есть маленькое расстояние».

Но потом Белинский с радостью вырвался из Москвы на каникулы и приехал в Чембар. Тогда и начался его литературный путь. Белинский работает в Чембаре над антикрепостнической драмой «Дмитрий Калинин». В гостиной, в шкафу среди книг К. Г. Белинского, находятся листы, исписанные рукою его гениального брата. После запрещения драмы цензурой Белинский хранил как зеницу ока ее автограф, но, уступая неотступным просьбам, был вынужден подарить его брату. Тот свято берег эту рукопись. После отъезда Белинского на учебу в Москву связь с семьей не прерывалась. Об оживленной переписке между родителями и сыном свидетельствует стопка писем Белинского студента в Чембар, которые находятся в книжном шкафу. С началом литературной деятельности Белинский

присылает в Чембар экземпляры тех периодических изданий, в которых он сотрудничает. «Папенька, я на Ваше имя буду пересылать брату журнал «Листок». От скуки и Вы прочтете, в нем и я буду выставлять свои изделия»,— пишет начинающий литератор отцу. На столике у окна открыт один из номеров «Листка» за 1831 г.— в нем появилось стихотворение «Русская быль», первое печатное произведение Белинского. Радость родных, получивших журнал, была велика. «Папенька,— сообщает К. Г. Белинский брату,— помещенную в 40 и 41 №№ «Листка» читал с большим удовольствием твою пиесу «Русская быль» и, может быть, мысленно благодарил тебя, равно маменька и я очень сему радуемся и не верим глазам своим. Я каждый день прочитываю твою пиесу с удовольствием, происходящим от любви».

Белинский стремится удовлетворить страстную тягу брата Константина к образованию и культуре. Став известным литературным критиком, он продолжает присылать домой книги и журналы. В гостиной находятся номера журналов и газет, перечисленных в письме К. Г. Белинского от 3 марта 1836 г. «Телескопа за 1836 год я получил 8 номеров,— сообщает он,— прошлого года 16 номеров, «Молвы» всю, а «Живописного обозрения» 14 листа. За все благодарю тысячу раз тебя, любезный брат. В Чембаре в свободное от должности время одна для меня отрада — книги, любезные книги, и потому мне надобно — хлеба, чтоб не умереть физически, а книг, чтоб нравственно не умереть. Присылай их, прошу тебя, чаще».

Подшивка газеты «Молва», в которой Белинский сотрудничал в 1833—1836 гг., открыта на странице, где начинается его известная статья «И мое мнение об игре г. Каратыгина». Разбирая игру знаменито-

го петербургского трагика, критик выступил против искусственного пафоса и риторики, за правду жизни и демократизм искусства.

Любовь к театру возникла у Белинского еще в чембарские годы. «В России любят театр, любят страстно. Заезжая труппа актеров может пробудить сильное движение и в умах, и в сердцах, и в карманах губернского или уездного города. Театр имеет для нашего общества какую-то непобедимую, фантастическую прелесть»[1].

Так высказался Белинский в статье «Московский театр», конечно, по личным впечатлениям. Д. П. Иванов сообщает о самодеятельных спектаклях, которые ставили в Чембаре Белинский и его друзья-гимназисты во время летних и зимних вакаций. В опере А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват» на долю Белинского выпала роль отца Анюты, арии свои Виссарион передавал неискусным речитативом, потому что к музыке и пению был совершенно неспособен. Зато особенно отличился Белинский в постановке драмы Шекспира «Отелло» в роли Яго, которую он «исполнял с большим воодушевлением». Инициатором и душой театральных постановок в Чембаре был Белинский. Как ни хотелось членам семьи Ивановых возобновить спектакли после отъезда Виссариона в Москву, «но никого не могли согласить, и все затеи святочные расстраивались». «Всегда чего-то недоставало главного, — писала Е. П. Иванова Белинскому, — этого главного — Вас!»

Сам Белинский, находясь в Москве, тосковал по родным местам, тяжело переживал разлуку с семьей, родственниками, друзьями. Он пишет родителям

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. в 13-ти т., т. II, М., Изд-во АН СССР, 1953—1956, с. 393.

20 апреля 1832 г.: «Вы приглашаете меня домой на вакацию: благодарю вас за это, или, лучше сказать, не умею и не знаю, как благодарить вас. Я чувствую, истинно, [illegible] с вами, да и самый воздух [illegible] мог бы иметь на меня благодетельное влияние, тогда как московский [illegible] одним словом, тысячу и тысячу раз благодарю вас за такое предложение — но никаким образом не могу им воспользоваться, несмотря на влечение [illegible] сердца и порывы души, жаждущей отдохнуть в кругу от беспокойств, болезни и разных неудовольствий, сопряженных с московской жизнью».

В. Г. Белинский, находясь в Москве, стремился способствовать духовному развитию своих родных. Под [illegible] влиянием старшего брата находился Константин Белинский. Хотя он и не обладал блестящими способностями, но не был и ничтожеством, как его характеризуют некоторые исследователи. В. Г. Белинский страстно желал [illegible] для него Чембара, но надежды на переезд в Москву или в крупный губернский город не осуществились. Но бедность и отсутствие протекции не смог получить надлежащего образования и всю жизнь прослужил в Чембаре [illegible] чиновником, но современники [illegible], что он был хорошим знатоком законов. Судя по его письмам, он был большим любителем чтения, относился к книгам с благоговением, жертвуя на их покупку последние деньги, сам пробовал сочинять, хотя эта попытка и вызвала неодобрение старшего брата.

В книжном шкафу, стоящем в гостиной, собрана и показана часть библиотеки Константина. В основном это книги, присланные братом Виссарионом из Москвы: поэтика «Москвы» за 1832—1833 гг., альманах «Русская талия на 1825 год» (в нем впервые

были опубликованы отрывки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»), сочинения В. А. Жуковского, И. И. Дмитриева, Д. И. Фонвизина, И. А. Крылова, М. Н. Загоскина, Вальтера Скотта, несколько томов «Древней Российской вивлиофики». Одна из книг открыта: «Душенька. Древняя повесть в вольных стихах. Третие издание вновь исправленное. Москва, в университетской типографии у Ридигера и Клаудия, 1799 г.». На титульном листе этого сочинения И. Ф. Богдановича имеется автограф К. Г. Белинского — его инициалы «К. Б.».

Не забывал в Москве Белинский и свою сестру Александру, дочерей П. П. Иванова. Для них предназначались журналы конца 1820-х гг. «Галатея» и «Московский телеграф» с картинками парижских мод.

Культурные запросы семьи Белинских были большими, это сказалось как на раннем развитии Виссариона, так и на общей атмосфере семейной жизни, способствовавшей страстной тяге к просвещению.

Столовая

Из гостиной боковая дверь ведет на половину дома, где полной хозяйкой была Мария Ивановна Белинская, — в столовую, спальню, буфетную. Комнаты небольшие, но удобные, в центре столовой стоит старинный обеденный стол в окружении стульев, в шкафу собрана посуда, изготовленная в 1820—1850 гг., стены украшены небольшими гравированными картинами «Женщина с котенком» и «Юноша со стаканом вина». Выделяются в столовой небольшие вышитые картины с фигурами мавританцев, их вышивала М. И. Белинская. Здесь же в комнате находятся часы, изготовленные в 30-е гг.

Комната матери В. Г. Белинского

известным чембарским мастером Федором Серебряковым, принадлежавшие К. Г. Белинскому.

В столовой собирались все члены семьи Белинских, родители и дети. Тяжелое материальное положение сказалось почти на всех. К. Г. Белинский, задавленный нуждой, умер в 1835 г. в возрасте 50 лет, от чахотки в раннем возрасте скончались почти все из его восьми детей.

Умная от природы была сестра критика Александра Григорьевна, но она не получила систематического образования и посвящала почти все свое время домашним делам, была мастерицей шить и вышивать. Однажды она послала старшему брату подарок — вышитый бисером кисет. Неразвитость

сестры очень беспокоила Белинского. «Благодарю тебя за твой подарок, — писал он в ответном письме, — он доставил мне большое удовольствие как знак твоего ко мне родственного расположения. В благодарность за оный умоляю тебя: люби менее рассеянность, старайся образовывать твою душу и сердце и украшать их теми прекрасными, нетленными нарядами, без которых человек не есть человек! Читай книги, будь всегда в обществе благородном, образованном и люби более удовольствия чистые, наслаждения изящные и предпочитай их ложному светскому блеску. Учись — учиться никогда не поздно».

Письмо Белинского к сестре экспонируется в столовой. Впоследствии А. Г. Белинская вышла замуж за учителя Чембарского уездного училища М. И. Кузьмина, потом жила в городе Нижнем Ломове, где и умерла в 1876 г. Своих детей у нее не было, и она помогала в воспитании племянников, детей брата Константина.

Подавал большие надежды младший сын в семье — Никанор. И родные, и учителя отмечали его успехи в занятиях латинским языком, в географии, его интерес к медицине, фамильную страсть к чтению. «Этот мальчик предорогой бы был, — писала Е. И. Иванова Белинскому, — если б его не баловали; он очень забавляет нас своей остротой... он беспрестанно толкует, что будет знать двенадцать языков отлично и что превзойдет своего братца Виссариона Григорьевича». Неурядицы между родителями, чрезмерное внимание отца сказались на нравственном воспитании Никанора: он забросил учение и стал тираном всей семьи. «Чтобы не дать погибнуть, завянуть на сухом бесплодном поле нерадивого воспитания... с такими способностями, такой пылкой душе», Белинский стремился сам стать

«ментором» своего несчастного брата». Ему удается взять его в Москву, но, занятый беспрерывной журнальной работой, он не мог уделить Никанору достаточно времени. Тому не удалось поступить в университет, так как профессор С. П. Шевырев, люто ненавидевший критика, прямо заявил, что второго Белинского он в университет не допустит, и трижды заваливал Н. Г. Белинского на экзаменах по русской словесности. Поступив юнкером в Кавказскую действующую армию, Н. Г. Белинский пропал без вести в возрасте 23 лет.

Только [illegible] Виссарион смог вырваться из мещанских обстоятельств и избежать трагической участи этой неудачливой семьи уездных разночинцев.

В последние годы обострились отношения между родителями.

М. И. Белинская, по рассказам современников, была женщина чрезвычайно добрая, радушная, но крайне [illegible], раздражительная. Материальные [illegible] заставляли ее пребывать в постоянном беспокойстве, как одеть, как прокормить многочисленное семейство. Денежные требования к Г. Н. Белинскому, [illegible] облеченные в благовидную форму, встречались им с холодным молчанием или шуткой, которые [illegible] несходства характеров супругов вели к резким ссорам. Г. Н. Белинский к концу жизни из-за плохих отношений с местным обществом, [illegible] со стороны [illegible] стал пить. Материальное положение семьи пошатнулось еще больше. М. И. Белинская часто жалуется в письмах к сыну, что у нее нет ни копейки, что она в долгах, но постоянно пробует облегчить жизнь сына в Москве: посылает то [illegible] одежду, то продукты, [illegible] Белинский отмечал, что мать отказывала себе [illegible] в чашке ко-

(его), единственном своем удовольствии», хотя он не только не просил у нее ни копейки, но даже уверял ее, что ни в чем не нуждается. Семейные раздоры тяжело переживались Белинским как в детстве, так и после переезда в Москву. В письмах он старается примирить родителей, он искренне любит их, хотя и понимает их недостатки. В письме к брату Константину от 21 июня 1832 г. он пишет об отце: «При всей откровенности и благородстве характера, при добром сердце, — он страждет ужасным недугом — подозрительностию, разумеется, пустою и неосновательною. Ему кажется, что его жена, его дети, его родные — все стоят около него с подъятыми ножами, готовые пронзить его вдруг и только ждущие благоприятного мгновения». В том же письме он вспоминает: «Сколько раз просил я маменьку, чтобы она старалась укрощать свои вспышки, горячности и жестокость характера, сносила бы с терпением и кротостию все неприятности папеньки, старалась бы избегать с ним всяких бесполезных ссор и тушить пламя в самом его начале!» Криком души звучит его обращение к родителям в письме от 21 мая 1833 г.: «Моя последняя к вам мольба, мой единственный к вам завет: водворите мир и тишину в своем семействе, прекратите эти вечные и ни к чему не ведущие несогласия. Прошедшего воротить нельзя, а вам уже поздно теперь считаться между собою. Ваша жена — наша мать, а это слово — не пустой, бессмысленный звук! Смерть каждого из вас будет равно гибельна для ваших детей. Так берегите же себя взаимно, если не для самих себя, то для нас».

М. И. Белинская скончалась в августе 1834 г. Д. П. Иванов был свидетелем, как Г. Н. Белинский рыдал в одиночестве, уходя из комнаты на огород, когда покойную готовили к погребению: «Ах, Дмит-

рий Петрович, — сказал он в ответ на утешения, — ты еще молодой человек и не понимаешь всей великости моей потери».

Супруг М. И. Белинской пережил свою жену ненадолго.

Его не стало в июле следующего года.

Спальня

Несколько штрихов к образу М. И. Белинской добавляют экспонаты, выставленные в ее спальне. Здесь находятся ее столик для рукоделия, кресло из дома Белинских, большой, окованный железом и обитый кожей сундук, старый комод, в переднем углу висит икона Христа Спасителя и лампадка, на стене — гравюра на библейский сюжет «Жертвоприношение Авраама». Религиозная Мария Ивановна часто объясняла неудачи в жизни Виссариона отсутствием веры в бога, пыталась наставлять его в вере: «ты не имеешь истинной веры на бога и надежды на создателя и не просишь божию матерь. обратись-ка лучше к богу и имей веру, молись, больше ходи в церковь, оставь эти модные фортуны и провидения, а призывай бога на помощь, не начинай без молитвы ничего и призывай бога в помощь, лучше дело-то будет»

В другом письме она советует сыну не ходить в театр, а посетить все соборные и приходские церкви в Москве. Белинский ответил на это категорическим отказом, взаимопонимания между сыном и матерью по этому вопросу не было: «Вы хотите из меня сделать благочестивого странствующего пилигрима и заставить меня предпринять благопохвальное путешествие по московским церквам, которым и счета нет. Шататься мне по оным некогда, ибо

[illegible], которыми должно заниматься. Несмотря на разнообразие [illegible], М. И. Белинская посадила чайный стол и [illegible].

Буфетная

В маленькой комнате, в которой стоят два шкафа для посуды (один из них сохранился и поныне, принадлежал семье критика), М. И. Белинская вела свои домашние дела вместе с верною прислугою. Как чиновник IX класса, Г. Н. Белинский имел личное дворянство и мог владеть крепостными. С присвоением чина коллежского асессора в 1830 г. он вместе с детьми получил право на потомственное дворянство. В. Г. Белинский, в детстве часто прибегавший в буфетную и на кухню к своим крепостным друзьям, считал их членами семьи, из Москвы в письмах часто передавал им приветы, присылал подарки. В письме к брату Константину, экспонирующемся в буфетной, можно прочитать: «Кланяйся всем, всем тебя знающим и помнящим, и нашим домашним: Аксинье, Василию, Авдотье, и Марье, и Ивану; первым трем скажи, что я их люблю и помню, а последним, что я их не знаю, но люблю, потому что они наши домашние».

Стены буфетной украшены лубочными картинками, изображающими простых русских людей, их подвиги в Отечественной войне 1812 г., тот православный русский народ, который Белинский «душевно любит и почитает за честь и славу быть ничтожной песчинкой в его массе».

Детская

Самая большая комната в доме экспозиционно решена необычайно. Она была свидетелем всех перемен, происходивших в жизни детей уездного

лекаря. В [illegible] Белинских в Чембаре [illegible] три брата: Виссарион, [illegible] 1825 [illegible] Никанор [illegible] Москву, [illegible] Констан-[illegible] к [illegible] дли-тельное время.

[illegible] большой [illegible] посвя-[illegible] через [illegible] принадлежа-[illegible] следую-[illegible] некоторые собы-тия из его жизни, имеется уголок с мемориаль-ными вещами критика

[illegible] он начал по-[illegible] грамоте, читал [illegible] не [illegible] не осо-зна-ались, как в юности, казались впоследствии Бе-линскому самыми счастливыми.

[illegible] с природою, в ко-[illegible] любви,— писал он в одной из статей, — время нашего непо-[illegible] ясно, [illegible] Выпью же бокал мой за вас, счастливые лета моего младенче-ства! Я [illegible] разума на самое блаженство, но мне все же [illegible] счастливого дет-ства![1]

[illegible] курс [illegible] и [illegible] Ципровской,

[1] В. Г. Белинский. Полн собр. соч., т. V, с. 309—310.

как и многие поколения чембарских мальчиков и девочек. Выучившись читать в школе у Цыпресков, будущий критик продолжал свое учение дома под надзором отца, который занимался с сыном также латинским языком (впоследствии критик мог читать и писать по-латыни). Как напоминание о первых учебных опытах Белинского в детстве выставлены «Российские прописи», изданные в 1820 г., и своеобразная азбука «Подарок детям в память 1812 года», составленная из 34 картинок художника И. И. Теребенева с изображением событий Отечественной войны и пояснительным текстом, начинающимся с очередной буквы алфавита. На стенде рядом с азбукой и прописями находится одна из первых книг, прочитанных Белинским, — «Повесть о приключении английского милорда Георга и о бранденбургской маркграфине Фридерике-Луизе», изданная в Москве в 1819 г. Не обладая высокими художественными достоинствами, повесть написана занимательно, отличалась сложной и запутанной интригой и на мальчика Белинского произвела неизгладимое впечатление. В 1839 г., рецензируя девятое по счету издание книги, великий литературный критик взволнованно вспоминал свое детство и первую встречу с интересной книгой: «О милорд английской, о великий Георг! ощущаешь ли ты, с каким грустным, тоскливым и вместе отрадным чувством беру я в руки тебя, книга почтенная, хотя и бессмысленная! В то время, когда я уже бойко читал по толкам, хотя еще и не умел писать, в то время, когда еще только начиналось мое литературное образование, когда я прочел и «Бову», и «Еруслана» гражданскою печатью, и «Повести и романы господина Вольтера», и «Зеркало добродетели с раскрашенными картинами», — скажи, не тебя ли жадно искал я, не к тебе ли тоскливо порыва-

[illegible] располагали ко всему благому и прекрасному? Помните ли тот день незабвенный, когда, достав себе робинзона в деревне, кажется в огороде, между грядами бобов и гороха, под открытым небом, в тени широких подсолнечников — этого роскошного украшения огородной природы, и там, в этом благоуханном уединении, быстро переворачивал его толстые и жесткие страницы, всею душою упиваясь дивным приключением такого широкого интереса, так мощно и красно изложенным»[1].

Упоминаемая в этой рецензии «Сказка о Еруслане Лазаревиче», другие книги круга детского чтения Белинского, в том числе «Жизнь и приключения Робинзона Крузо, природного англичанина», которая доставила ему «столько истинного и упоительнейшего наслаждения», поставлены в книжном шкафу, принадлежавшем семье чембарского уездного лекаря.

В Чембаре Белинский познакомился с томами «Детского чтения для сердца и разума», издававшимися в XVIII в. замечательным русским просветителем Н. И. Новиковым. Белинский высоко ценил эти издания. Рецензируя в 1840-х гг. мелкие и пустые книжки для детей, он с горечью вспоминал «детские годы» и добавлял: «Мы были счастливее [illegible] «Детское чтение» Новикова». Знаком был Белинский со знаменитой книгой Кирши Данилова. «Сказки и песни, собранные Киршею Даниловым, [illegible] наизусть, — вспоминал он впоследствии, — [illegible] и другие [illegible] произведений [illegible] к русскому народу прислушивался»[2].

Когда Белинский [illegible] русской по-

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, с. 206.
[2] Там же, т. IX, с. 470

Детская комната в доме Белинских

зной по книги тогда стоили дорого, и ему приходилось переписывать для себя стихи понравившихся ему авторов. Проходило время, вкусы будущего критика становились все взыскательнее. Любимыми его авторами стали Г. Р. Державин, В. А. Жуковский и А. С. Пушкин. Впечатления, произведенные стихами Пушкина при первом знакомстве, остались незабываемыми на всю жизнь. «Как вдруг он в одно и то же время исторгал у нас и смех и слезы, играл по воле нашими чувствами», — вспоминал критик. — «Он пел, и как изумлена была Русь звуками его песен: и не диво, она еще никогда не слыхала подобных; как жадно прислушивалась она к ним: и не диво, в них трепетали все нервы ее жизни!» Я помню

это время, счастливое время, когда в глуши провинции, в глуши уездного городка, в летние дни, из растворенных окон носились по воздуху эти звуки, подобные шуму волн или журчанию ручья»[1]

В детской экспонируется письмо А. Е. Иванисова, лембовского приятеля Белинского, от 1829 г.: он пересылал Белинскому, приехавшему в родной дом, переписанные отрывки из поэмы А. С. Пушкина «Полтава», только что вышедшей в свет. В другом письме Иванисов просил вернуть взятые Белинским для чтения «Поездку в Ревель» А. Бестужева-Марлинского, «Выбор из сочинений лорда Байрона», пушкинского «Графа Нулина». Издания этих книг представлены в экспозиции.

Много времени отдавали чтению братья Никанор и Константин. М. И. Белинская в письме к сыну 10 декабря 1832 г. сообщала: «Никанор сидит в детской и читает с восхищением книгу «Рославлев, или Русские в 1812 году», ему вчерась вечером отец принес от откупщика Павлова», а ниже добавляла такую подробность: «Представь себе, Никанор часу с осьмого, и теперь осьмой час вечера, он не умолкал ни на минуту читать «Рославлева». По-видимому, этот экземпляр книги М. Н. Загоскина был привезен Никанором в Москву, где она влилась в библиотеку критика, а теперь с частью книг из нее вернулась в дом Белинских.

Библиотеке критика принадлежали и номера журнала «Галатея» (№ 29 и 31, 1829), они упоминаются в числе присланных в подарок брату Константину. В письме от 29 сентября 1831 г. Белинский уведомлял брата, что выслал ему «Сказки и басни И. И. Хемницера в трех частях с портретом автора».

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. 1, с. 72.

Белинский и в Москве продолжал переписывать в тетради понравившиеся ему стихи. Одну такую тетрадь, озаглавленную «Стихотворения, выписанные из журналов. Виссарион Белинский. 1830», он прислал брату. На одном из листов дарственная: «К. Г. Белинского. Подарена братом Виссарионом Григорьевичем, присланная из Москвы [illegible] февраля 2 дня в понедельник поутру».

К. Г. Белинский был очень привязан к старшему брату, горячо любил его, старался следовать каждому его совету. Белинский уделял большое внимание Константину, стремился помочь ему перебраться в Москву, что составляло предмет самых пламенных мечтаний Константина. Он писал брату 10 декабря 1832 г.: «Я желаю одно только удовольствие пробыть с тобою [illegible] на каникулы, разговоры, которые во время долгой разлуки будут неистощимы. [illegible] тебе моей библиотеки и портреты двух русских поэтов, Фонвизина и Державина, которыми украшается мой приют. [illegible] меня в часы свободы занимает [illegible], что я часто воображаю себя находящимся вместе с тобою в первопрестольной столице Москве и часто, очень часто я до того размечтаюсь, что не верю сам себе, в Москве или здесь нахожусь, отчего и вижу часто [illegible] тебя, любезнейший, и всегда в тебе вижу пребывающим в Чембар, и будто бы я с тобою вместе. Вот до чего может простираться фантазия любовь!»

Гравированные портреты Д. И. Фонвизина и Д. В. Давыдова вместе с портретом А. С. Пушкина (гравюра Гейтмана) и с [illegible] Константину Москвы украшали стены [illegible] так и 140 лет тому назад. Но переехать на постоянное жительство в Москву К. Г. Белинскому

так и не удалось, он остался в Чембаре и пристально следил за деятельностью и успехами старшего брата.

О третьем периоде жизни В. Г. Белинского напоминают другие, не менее примечательные экспонаты. На центральном стенде находится портрет Белинского работы художника К. А. Горбунова (1838 г.). Более ранних достоверных изображений великого критика не сохранилось. Он был беден и не мог заказывать портреты у известных живописцев, хотя и был знаком со многими из них, в том числе и со знаменитым Карлом Брюлловым. К. А. Горбунов, земляк и друг Белинского, бывший крепостной помещика С. М. Владыкина из Чембарского уезда, впоследствии известный живописец, автор портретов М. Ю. Лермонтова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева, А. В. Кольцова, М. С. Щепкина, Т. Н. Грановского, был единственным художником-профессионалом, писавшим критика при его жизни.

Позже К. А. Горбуновым создан вариант портрета Белинского, сделанный уже после безвременной кончины критика.

С портрета Белинского работы К. А. Горбунова 1838 г. на нас смотрит молодой человек с открытым лицом, высоким лбом, с задумчивым взглядом серых глаз.

Под портретом на небольшой стойке — личные вещи Виссариона Григорьевича Белинского: карандаш и несколько книг.

Библиотека Белинского к концу его жизни насчитывала свыше 3000 томов книг и журналов. После смерти владельца она была выкуплена И. С. Тургеневым, стремившимся помочь оставшейся без кормильца семье Белинского, и долгое время хранилась в доме писателя в Спасском-Лутовинове. Во время пожара большая часть ее погибла, сохранились

600 экземпляров хранится в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле.

В музей В. Г. Белинского было передано 15 книг и журналов.

В витрине экспонированы «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море» Джеймса Фенимора Купера, изданный 1841 г., «Сочинения Якова Княжнина», изданные в Санкт-Петербурге в 1818 г., с автографами владельца, на корешках некоторых книг оттиснуты инициалы критика — «В. Б.».

Привлекает внимание 29-й том журнала «Отечественные записки» за 1843 г. с прекрасным тиснением с золотыми узорами на переплете. В этом издании Белинский сотрудничал с 1839 по 1846 г. Благодаря его неустанной и страстной литературно-критической деятельности «Отечественные записки» приобрели огромную популярность и стали лучшим журналом того времени. «Умру на журнале, — писал он В. П. Боткину, — и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок». Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь».

Кухня

К основным комнатам дома Белинских через небольшие сени примыкает боковой флигель — кухня. В ней постоянно находились дворовые Белинских, поэтому экскурсовод в этой комнате рассказывает о крепостническом быте. О ежедневных занятиях дворовых М. И. Белинская в одном из писем сообщала: «Василий в кухне щиплет гусей, а Анисья в кухне шьет, а Акулина обыкновенно с ухватами округ печки».

Упомянутый в письме кучер Василий был участником всех детских забав Виссариона, позднее

[illegible] Д. П. Ивано-[illegible] ком и «для того всегда находил готовое платье у [illegible] в бородатой маске».

В [illegible] — писала М. Н. [illegible] не в силах ничего послать, денег нет ни копейки».

[illegible] которым [illegible]

[illegible] тического вкуса ее обитателей»

[illegible]

которая часто повторяет эти слова: «Когда-то, господи, принесет вам его. Посмотрела бы на него, милого. [illegible] руки чисты...»

В [illegible] у родственников [illegible] Белинский [illegible] картины жизни [illegible] свидетельствовали о его [illegible] положении. «Вспомните быт русского крестьянина того времени, — писал он в одной статье, — его [illegible], [illegible] мужицкую, так [illegible] его поле, то орошаемое кровавым потом [illegible], то пустое, [illegible], или [illegible] татарскими стрелами, а иногда и [illegible]. Это относится, конечно, [illegible] прошедшему времени. Белинский заметил, что русский мужик [illegible] хлеб пополам с мякиною»[1]

Но в Москве и Петербурге на страницах журналов Белинский [illegible] против тех, кто презирал народ, кто [illegible] только [illegible] и грубую толпу, которую нужно постоянно держать в работе и [illegible]. «Если мужик не учен, не образован — это не его [illegible], — писал он. — Ломоносов родился мужиком [illegible] помогли ему показать миру, что иногда кроется в глубине мужицкой натуры, чем может иногда быть мужик»[2].

Усадьба

Покинув [illegible] посетители [illegible] на усадьбу, [illegible] территории, примыкающей к [illegible]. Белинский

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, с. 441.
[2] Там же, т. X, с. 81

сам [illegible] в [illegible] рецен-
зии на «[illegible]». «О милорд! что вы со
мною сделали? Вы так [illegible] напомнили мне золотые
[illegible] перед собою;
[illegible]
[illegible] с бо-
[illegible] место
[illegible] родимого до-
ма [illegible]
[illegible] треугольник
[illegible] и
[illegible] от двора
[illegible] с не-
большими [illegible] частоколом, а с остальных
трех сторон — плетень...» [1]

Подробнее об усадьбе рассказывали современ-
ники. [illegible] что [illegible] дома на-
[illegible] с многочислен-
ными постройками: [illegible], погребом, каретным
сараем, [illegible]. Они были необходимы для
большого [illegible] хозяйства, семья Белинских
держала лошадь, [illegible] и [illegible] птицу.
[illegible] огород, [illegible] по-
зади двора.

В [illegible] время усадьба [illegible], не со-
хранились [illegible] постройки, [illegible] мелкие
[illegible], [illegible] усадьбе [illegible]
[illegible] большие ре-
ставрационные работы, [illegible] терри-
тории [illegible] вид.

В 19[illegible] г. [illegible] была [illegible]
[illegible]. [illegible], она часто
[illegible] и [illegible]
для больных, которых привозили к уездному лека-

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, с. 207.

ре и окрестных деревень. Они сильно напоминали Белинскому «Вот и маленькие бани при входе в огород, там и [illegible] [illegible] [illegible], которые [illegible] в качестве [illegible] себя то Александром Македонским, то Ерусланом Лазаревичем»[1].

Свидетелями [illegible] были четыре старые липы [illegible] сохранившиеся [illegible].

На усадьбе и в окрестностях города проходили многие забавы и развлечения будущего критика. [illegible] катались [illegible], особенно любимым было катание с крутых склонов гор, которые устраивались [illegible] во дворе Белинских. [illegible] весной и летом во дворе постоянно [illegible] качели. В летние каникулы практиковались прогулки и поездки с самоваром в леса за ягодами и грибами. Белинский с детства был страстным и непревзойденным грибником, любил собирать цветы и лекарственные травы.

Покинув Чембар, Белинский часто вспоминал многое, что связывало его с родным городом, природой, семьей и друзьями. [illegible] в Чембар [illegible] — писал он К. Г. Белинскому в [illegible] 1833 г. [illegible], чтобы поправить здоровье

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, с. 207.

ЮНОСТЬ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА

[illegible] Белинского [illegible] причи-кала [illegible] при бывшем уездном училище

На [illegible] Малова, изобра[illegible] Белинского [illegible] кажется, что [illegible] просах, которые ставила перед ним жизнь.

[illegible] прямо в [illegible] 3десь, в [illegible] великий рус[illegible] Виссарион Григорьевич Белинский с 1822 по 1825 год»

[illegible] по-священная чембаро [illegible] периоду первой половине жизни Белинского [illegible] помещения необычна: [illegible] расположена [illegible] на две равные половины [illegible] большой и [illegible]

Здание бывшего уездного училища

[illegible]
отдельные боковые комнаты.

[illegible]

[illegible] дворянскому сословию.

Центральная часть экспозиции отражает время пребывания в уездном училище и гимназии; она размещена в главном [illegible] большом зале. Здесь экспозиционно-художественное решение интерьера двух классных комнат, училища и гимназии, а так размещено изготовленное по старым гравюрам школьное оборудование, ученические предметы и принадлежности. Такое [illegible] решение дало возможность обобщить разнообразный исторический и документальный материал, единый в своем конкретном содержании, создать более образную картину ученических лет Белинского.

Последние разделы посвящены Москве. В небольшой комнате представлены материалы об учении в Московском университете и [illegible] об исключении из университета, начале литературной деятельности, драме «Дмитрий Калинин», при создании которой Белинский широко использовал пензенские источники и впечатления.

В экспозиции широко представлены документы о жизни и творчестве раннего Белинского, письма критика, материалы, раскрывающие историческую обстановку 20—30-х гг. XIX в., гравюры, живопись и графика. Все экспонаты объединены одной общей идеей — документально рассказать о наиболее важных событиях в жизни молодого Белинского, показать его активное отношение к событиям своего времени, творческое восприятие наиболее важных явлений, которые оказали влияние на формирование его мировоззрения, эстетических представлений и жизненной позиции.

Если при мне рассказывали о несправедливостях, гонениях, жестокостях сильных над слабыми,

о [illegible] труди [illegible] кой трагедии «Дмитрий Кал[illegible] [illegible] линского, созданным пензенским художником Г. В. Жаковым.

Из истории Чембара и уезда

На [illegible] Большого и Малого Чембара в XVIII в. ст[illegible] [illegible] рестностях было много болот, [illegible] дилась птица, особенно жур[illegible]вли. Се[illegible] щанским и купеческим, жило в нем мн[illegible] крестьян.

В 1780 г. [illegible] 15 сентября [illegible] чество (губерния). В состав[illegible] Чембарский, село Чембар было пре[illegible] [illegible] копия).

Чембар, [illegible] В 1785 г. [illegible] в 1829 г. [illegible]

могут разъехаться. Вообще, во всей Москве улицы узки. Самая широкая едва ли может равняться с чембарскою»[1].

В книге «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи на 1825 год» приводятся такие сведения о Чембаре: «Число жителей мужеского пола 1300, женского пола 1293, купцов мужеского пола 45, количество каменных домов 4, деревянных 290, церквей 2, учебных заведений 1, трактирных заведений 2, питейных домов 5».

По данным В. С. Нечаевой, в 1821 г. в Чембарском уезде проживало около 90 000 человек, из них 77 500 крестьян. Они были на одну треть ясашные, т. е. государственные, на две трети — помещичьи[2]. Государственные крестьяне в большинстве своем были из мордвы, крепостные — русские.

В экспозиции русская и мордовская крестьянская одежда, предметы домашнего обихода комплексно сочетаются с изобразительными материалами и документами о правовом положении крестьян. Здесь же представлены картина маслом неизвестного художника «Бедная деревня» (копия А. Скульского), акварель неизвестного художника 30-х гг. XIX в. «Интерьер крестьянской избы», рисунок карандашом «Укладывание крестьянами сена в омет», макет курной избы. Купчая крепость на продажу крепостного деревни Ростовки Чембарского уезда Матвея Харлампиева свидетельствует, что он был продан помещиком Д. А. Милениным дворянке Самариной за 400 рублей. Сделка состоялась в 1821 г. Прошло еще пять лет, и на страницах газеты «Правительствующего сената Санкт-Петербургских ве-

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 10.
[2] В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, с. 54.

партамента объявления в «Санкт-Петербургских ведомостях» (№ 51, 1829) говорилось о назначении продажи с аукциона в Пензенском губернском правлении общественного призрения заложенного и просроченного недвижимого имения корнета Ф. А. Миловича, состоящее Чембарского уезда в селе Рогатовке, состоящих ревизских мужеска пола 30 и женского пола 15 душ, составляющих 19 тягол. К этому времени помещик совсем разорился.

Доведенные до отчаяния крепостные пытались обращаться к властям. Об этом говорит выставленная в экспозиции «Жалоба крестьян села Белынь [illegible] Чембарского уезда на жестокость помещика Богатова» 1828 г. Но жалобы только приводили к новым зверствам со стороны [illegible] властей.

Белинский часто был свидетелем [illegible] положения крестьян, о многом он слышал от своего отца.

Экспозиция подробно рассказывает о родителях критика, первых годах его жизни, впечатлениях в чембарском окружении. Дед критика Никифор Трифонович во второй половине XVIII в. служил священником в селе Белыни Нижнеломовского уезда Пензенской губернии (окрестности села можно видеть на картине художника Н. Романовского «Истоки реки Ворона»). Его младший сын впервые упоминается в ревизской сказке о причте села Белыни за 1795 г. как рожденный после ревизии Григорий — в 1784 г. Проучившись несколько лет в Тамбовской духовной семинарии, Григорий Никифорович не захотел идти по стопам отца, покинул ее и поступил в Петербургскую медико-хирургическую академию. Во время службы в военном флоте он женился на дочери шкипера Марии Ивановне Ивановой. 30 мая 1811 г. в городе-крепости Свеа-

4*

бурге, в котором около года стоял экипаж Григория Никифоровича, у четы Белинских родился первенец — сын Виссарион. Но своей настоящей родиной критик считал Чембар. Еще один памятный вид заштатного городка донесла до нас акварель неизвестного художника начала XIX в. — «Торговая площадь в уездном городке» (альбом А. В. Шмидта).

Члены семьи Белинских не раз упоминаются в исповедальных ведомостях Николаевской церкви, в книге «Месяцеслов и общий штат Российской империи на лето от Рождества Христова 1829» среди чиновников уезда названы штаб-лекарь Г. Н. Белинский и секретарь земского суда П. П. Иванов. Его жена Феодосья Степановна приходилась двоюродной сестрой В. Г. Белинскому, хотя по возрасту была значительно старше его. Дети Ивановых — Алексей, Николай, Екатерина и Дмитрий — были сверстниками Белинского, их сближали общие интересы и настроения. Члены семьи Ивановых интересовались литературой и театром, отличались демократизмом и честностью. «Любезные друзья мои, Алексей Петрович и Катерина Петровна! — писал им Белинский 20 декабря 1829 г. — Как благодарить мне вас за бесценные ваши письма от 15 ноября! Ах, они доставили мне несколько минут сладостных, приятных. Они перенесли меня под небо Чембара, они мне живо представили то счастливое время, когда я жил с вами вместе, они мне напомнили наши разговоры, суждения и споры; все ожило в моей памяти. Как сладостны эти воспоминания!»

Сближало Белинских и Ивановых и отношение к крепостной практике. От уездного лекаря и секретаря земского суда их детям стала известна нашумевшая история помещицы Кутузовой, убившей крепостную Евфимию Кирилловну, судили, но за

Уголок экспозиции в здании уездного училища

«недоказанностью преступления» приговаривали только к ссылке в монастырь на покаяние. Наказание было столь мизерным, что даже резолюцией правительствующего сената было отмечено, что «подсудимая вместо должного по законам наказания присуждается к ссылке вечно в монастырь. Неоднократно уже сему департаменту в подобных случаях поставлено было на вид, что нельзя преступников ссылать на вечное пребывание в монастыри, которые учреждены на другой совсем предмет».

Г. Н. Белинский освидетельствовал изрубленную дворянским заседателем Самарским во время возмущения жителей села Не[illegible] крестьянку А[illegible] Мартынову, а затем и самого заседателя, израненного восставшими.

Отношение Белинского к помещикам, убийцам и истязателям, ярко выразилось в письме от 20 декабря 1829 г. «Катерина Петровна, — писал он, — Вы очень много обрадовали известием, что прекратили все сношения с Кутузовыми. Вы сделали самое лучшее дело в своей жизни, прервав все связи с этими людьми. Надобно иметь большую разборчивость в выборе своих знакомых, не только друзей, ибо мы всегда безприметно, нечувствительно и притом невольно перенимаем у людей, с которыми имеем частое обращение, ухватки, привычки и даже самый образ мыслей. Я где-то читал, что один мудрец древности говорил молодому человеку: скажи мне, с кем ты дружен, и я узнаю и образ твоих мыслей и образ твоего поведения». Вот как важны дружеские связи!

Картина жизни дворянства Российской империи в экспозиции раскрыта через изобразительный материал: виды [illegible] помещичьих усадеб, [illegible] дворян и дворянок. Посетители знакомятся с предметами мебели и усадебного обихода, зримо представляя условия быта. В центре раздела выделяется портрет державного властителя России — императора Александра I (гравюра Т. Райта по рис. Г. Доу), рядом — раскрашенная литография, изображающая офицеров одного из лейб-гвардейских полков. Такое построение имеет как обобщенно-символическое значение, так и конкретный смысл. В 1824 г. Александр I в сопровождении большой свиты посетил Пензенскую губернию. Побывал он и в Чембаре. Верноподданную статью «О пребывании государя императора в Пензе» напечатал в 45-м номере за 1824 г. журнал «Сын отечества», [illegible] преданность [illegible] государю и благоденствие губернии, [illegible] за время его мудрого и милостивого правления. Совсем по-другому [illegible] это се-

бытие в память Белинского. «Помнишь ли ты, — писал он Д. П. Иванову 7 августа 1837 г., — как отличались, как мило вели себя господа военные, особенно кавалеристы, в царствование Александра, которого мы с тобою видели собственными глазами за год или за два до его смерти? Помнишь ли ты, как они нахальствовали на постоях, увозили жен от мужей, из одного удальства, были ужасом и страхом мирных граждан и безнаказанно разбойничали?»

Но в чембарские годы узнал Белинский и о других революционерах, поднявшихся на борьбу с самодержавием. На стенде, посвященном декабристам, выходцам из Чембарского уезда, выставлены номера газеты «Русский инвалид, или Военные ведомости», излагающие официальную хронику восстания и следствия. В 172-м номере за 1826 г., в «Указе верховному уголовному суду», сообщался в числе прочих приговор «преступникам четвертого разряда мичману Беляеву 1-ому и мичману Беляеву 2-ому», которым предписывалось «по лишении чинов и дворянства сослать в каторжную работу на двенадцать лет, а потом на поселение». Братья А. П. и П. П. Беляевы были сыновьями управляющего имением графа Разумовского в селе Ершово Чембарского уезда. Владелец села Голодяевка Н. Н. Горсткин был участником первых организаций декабристов, но ко времени восстания отошел от них. Но он также был арестован, полгода допрашивался в Петропавловской крепости, а затем был сослан под надзор полиции в свое имение. В экспозиции рядом с портретом декабриста и планом его имения находится рапорт чембарского земского исправника пензенскому губернатору от 18 августа 1827 г. «о прибытии Н. Н. Горсткина в Голодяевку» и «Ведомость о прививании оспы в 1828 г.», в

[illegible] Г. Н. [illegible] «Шта[illegible] [illegible] Чембару и селу Голо[illegible] [illegible] 19 предохранительных прививок от оспы»

[illegible] Чембаре и [illegible] с [illegible] разнообразными сторонами жизни России

В уездном училище

[illegible] Чембарского [illegible] 182[illegible]—1824 [illegible] год» в нем проходили курс наук 46 учеников.

[illegible] училище сразу [illegible], как только оно было открыто

Согласно «Уставу народным училищам, уло[illegible] Екатерины II [illegible] училища [illegible] должны [illegible] Но сред[illegible] и [illegible] доброхотные [illegible] Такой благотво[illegible] городского голо[illegible] в 1812 г. [illegible] пожертво[illegible] Соборной пло[illegible] уездным [illegible] Награды [illegible] местных [illegible] [illegible] этого не произошло, а начавшаяся война с [illegible]ами окончательно помешала начать строи[illegible]

[illegible] 1817 г. пензенский губернатор М. М. Спе[illegible] [illegible] Чембаре уездное

училище. Богатый помещик Н. М. Владыкин (родственник Белинских и Ивановых) внес на строительство 1500 рублей. В 1818 г. помещик А. Н. Беклемишев подарил свой деревянный дом под здание училища и за это был утвержден его почетным смотрителем, хотя постройка еще не была перевезена и поставлена на место. Дело сдвинулось с мертвой точки только благодаря И. И. Лажечникову, в будущем известному писателю, который в 1820 г. стал директором учебных заведений Пензенской губернии.

В стенде, который начинает рассказ об училище, среди многих документов имеются два автографа Лажечникова. 21 марта 1821 г. он запросил сведения у губернатора Ф. П. Лубяновского: «Рассмотрев оные, — писал Лажечников, — мог бы я с наступлением весны приступить к окончательным постройкам и к скорейшему открытию училища».

Лажечников действовал энергично и 6 сентября 1822 г. рапортовал губернатору: «Чембарское уездное училище совершенно приготовлено к открытию, которое сделать предназначено училищным начальством в день коронования их императорских величеств, то есть 15 сентября нынешнего года».

Учебных пособий было мало, обстановка классов убогой. Уже после того как Белинский покинул училище и умер его учитель А. Г. Греков, преемник первого смотрителя Гукальский жаловался дирекции пензенских учебных заведений: «С самого открытия училища не было и нет при оном никакой классной мебели, кроме простых крестьянских почти стульев и столов. Даже учителя принуждены бывают приносить с собою в класс свои стулья, на которых могли бы сидеть, нет нужных ученических

столов, скамеек, нет нужной для училища кафедры»[1].

В этом духе и реконструирована обстановка класса: в нем поставлены грубо изготовленные столы и скамейки, стоит стул для учителя, на стене гравированный портрет царя Александра I и несколько гравюр и литографий с географическими видами и лубочными картинами о войне 1812 г.: «Русский Геркулес загнал французов в лес и давит их, как мух», «Русский мужик Вавила Мороз на волчьей охоте», «Бегство французов из Москвы в 1812 году, октября 12 дня» (гравюра И. Кардели).

Сохранился и представлен в экспозиции «Реестр книгам, по коим преподаются предметы в Чембарском уездном училище», составленный учителем А. Г. Грековым 13 апреля 1825 г. Он относится к последним месяцам учения Белинского в Чембаре. В реестре названы книги по священной истории, по российской грамматике и правописанию, всеобщей и российской истории, арифметике, физике, геометрии, всеобщей и российской географии. Реестр дает представление об училищной программе. Часть учебников, по которым занимался Белинский, находится в экспозиции. Это «Всеобщая история» профессора Царскосельского лицея И. Кайданова, «Курс всеобщей географии» профессора Санкт-Петербургского университета Е. Зябловского, «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи» и другие издания того времени.

Белинский был одним из лучших учеников. Его

---

[1] В. Г. Белинский. Сб. статей и материалов к биографии великого критика. Под ред. проф. Н. Л. Бродского. Пензенское обл. изд-во, 1948, с. 163

успехи наглядно демонстрирует «Ведомость Чембарского уездного училища за 1823—1824 академический год». Из 14 учеников 2-го класса названы 4 лучших, «с хорошими успехами», и среди них — Виссарион Белинский.

На рисунке Б. Н. Лебедева «Экзамен в Чембарском уездном училище» отображен момент, описанный И. И. Лажечниковым в статье «Заметки для биографии Белинского». Мемуариста прежде всего поразила наружность Белинского, его раннее умственное развитие: «Лоб его был прекрасно развит, в глазах светился разум не по летам; худенький и маленький, он между тем на лицо казался старее, чем показывал его рост. Смотрел он очень серьезно». И далее Лажечников описал поведение Белинского во время экзамена, обратив особое внимание на его большие знания, умение ими пользоваться, его удивила независимость Белинского, наличие у него большого чувства собственного достоинства. «На все делаемые ему вопросы он отвечал так скоро, легко, с такою уверенностию, будто налетал на них, как ястреб на свою добычу (отчего я тут же прозвал его ястребком), и отвечал большею частию своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже в казенном руководстве, — доказательство, что он читал и книги, не положенные в классах. Я особенно занялся им, бросался с ним от одного предмета к другому, связывал их непрерывною цепью и, признаюсь, старался сбить его... Мальчик вышел из трудного испытания с торжеством. Это меня приятно изумило, также и то, что штатный смотритель (Авр. Греков) не конфузился, что его ученик говорит не слово в слово по учебной книжке (как я привык видеть и с чем боролся немало в других училищах). Напротив, лицо доброго и умного смотрителя сияло радостью,

Классная комната в уездном училище

[illegible] собственное [illegible]. Я спросил [illegible] «Виссарион Белинский [illegible] и библиотекарем,— сказал он мне»[1]

[illegible] Белинского А. Г. [illegible] был человеком с [illegible] передовых педагогических [illegible] — преподавания

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 35—36.

предметов и помог развитию столь богатых природных способностей своего ученика.

Но главным источником пополнения знаний были для Белинского книги, а чтение стало его любимым занятием. О круге его чтения в этот период мы узнаем из рецензии на книгу «Стихотворения А. Коппела. СПб. 1834». В ней критик писал: «Вы не поверите, как обрадовали меня «Стихотворения» г. А. Коппела, в какое восхищение привели они меня! Они напомнили мне незабвенное, золотое время детства, когда, еще бывши мальчиком и учеником уездного училища, я в огромные тетради неутомимо, денно и нощно, и без всякого разбору, списывал стихотворения Карамзина, Дмитриева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и других, когда я плакал, читая «Бедную Лизу» и «Марьину рощу», и вменял себе в священнейшую обязанность бродить по ночам при томном свете луны с пасмурным лицом à la Эраст Чертополохов»[1] (герой одноименной повести П. Л. Яковлева).

Почти все книги перечисленных авторов представлены в экспозиции. Позднее в критических статьях Белинский дал оценку творчества этих писателей, показал свое отношение к ним в детстве. Первым любимым поэтом будущего критика был Державин. «Я в детстве знал Державина наизусть», — писал Белинский в 1842 г. и тут же привел пример, какую популярность имела его ода «Бог»: «Каким мистическим уважением пользовалась в старину эта ода, может служить доказательством нелепая сказка, которую каждый из нас слышал в

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, с. 250—251.

детстве, будто она «Бова переведена даже на китайский язык и, вышитая шелками на щите, поставлена над кроватью богдыхана» [1].

Подрастая, будущий критик увлекся стихотворениями прославленного В. А. Жуковского. «Явился Жуковский с своими унылыми и задумчивыми стихотворениями, которые тоже сделали свое дело, принесли свою пользу. Кто теперь будет читать или, читая, восхищаться такими пьесами, как «Над прозрачными водами» или «Мой друг, хранитель ангел мой?» А тогда! Да, я еще сам помню, что такое были они для меня, после стихов Державина и его подражателей» [2].

Наряду с В. А. Жуковским любимым поэтом Белинского был Н. М. Карамзин. О своем подражании этим поэтам он писал в рецензии на «Стихотворения А. Кольцова»: «Воспоминания детства так обольстительны, к тому же природа дала мне самое чувствительное сердце и сделала меня поэтом, ибо, еще будучи учеником уездного училища, я писал баллады и думал, что они не хуже баллад Жуковского, не хуже «Раисы» Карамзина, от которой я тогда сходил с ума» [3].

Упоминает Белинский и о том, какое впечатление производили на него прозаические произведения Карамзина: «Кто из нас не утешался в детстве его повестями, не мечтал и не плакал с его сочинениями? А ведь воспоминания детства так сладостны, так обольстительны» [4].

Но детство Белинского кончилось, пришлось серьезно подумать о продолжении образования.

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VI, с. 636.
[2] Там же, т. V, с. [illegible].
[3] Там же, т. I, с. [illegible].
[4] Там же, т. I, с. [illegible].

Уездное училище, по-видимому, дало все, что могло дать, и с 1 августа 1825 г. Белинский становится пензенским гимназистом.

В губернской гимназии

Старые фотографии XIX в., из большого альбома Вакуленко, изображают губернский город Пензу, живописно раскинувшийся на левом берегу Суры, на склонах высокого холма. До настоящего времени сохранилось здание, расположенное на углу современных улиц К. Маркса и Кирова (в экспозиции представлена фотография). В нем находилась Пензенская гимназия, в ее стенах Белинский провел время с августа 1825 по декабрь 1828 г.

Учение в гимназии в то время в отличие от нынешнего строилось совсем по другой системе: не было строгой преемственности между разными учебными заведениями, т. е. единой системы образования, воспитанник мог выбирать предметы, так как посещение всех предметов не было обязательным, знания учащихся оценивались суммарно по количеству средних баллов, набранных за все предметы.

Судя по ведомостям об успехах и поведении учеников пензенской губернской гимназии за 1826—1828 гг., представленным в экспозиции, во 2-м и 3-м классах Белинский не занимался изучением иностранных языков и рисования, часто демонстративно не посещал уроки закона божьего, по-видимому, его мало интересовали уроки математики, так как по этому предмету средние оценки были плохими. Нужно сказать, что часть предметов изучалась в гимназии по тем же учебным пособиям, которые были в ходу и в уездном училище. Не всегда посе-

щал Белинский и свои любимые уроки. Так, в январе 1827 г. он пропустил шесть уроков российской словесности из десяти, но имел «четыре» — лучшую оценку[1]. Гимназическое преподавание вряд ли удовлетворяло его. Знания Белинского были много обширнее. Так, уже в гимназии он мечтал о написании своего учебника языка и литературы. «Я теперь обдумываю план большого сочинения под названием «Полный курс словесности для начинающих»... — писал он в 1837 г. Д. П. Иванову. — Еще будучи в гимназии, я мечтал о сочинении этой книги, теперь настало время, потому что мысли мои об этих предметах созрели»[2].

Блестящие успехи показал Белинский в логике и риторике. В экспозиции представлена книга «Руководство к механике, изданное для народных училищ Российской империи» (СПб., 1790) и рядом воспроизводится надпись с того экземпляра, который был «Пензенской гимназии ученику 2-го класса Виссариону Белинскому за благонравие и успехи из логики и риторики, истории и географии дан в торжественном собрании июня 25 дня 1827 года». Дарственная надпись была скреплена подписью исполняющего должность директора гимназии Николая Дмитревского.

В ведомости за 1827 г. напротив перечисленных предметов стоят лучшие баллы «четыре и четыре с плюсом».

В части экспозиции, посвященной пребыванию Белинского в Пензенской гимназии, рядом с экспонатами, условно воссоздающими образ класса (парты, карта Российской империи 1785 г. издания и

---

[1] В. Г. Белинский. 1818—1948. Сб. статей и документов. 1948, с. 181.

[2] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 139.

т. I), выставлено большое количество подлинных книг из гимназической библиотеки.

Белинский отличался великим трудолюбием. Не удовлетворяясь официальным преподаванием, он много времени тратил на самообразование. «Ни одна минута не пропадала у него даром, — писал Д. П. Иванов, — он или читал, или списывал что-нибудь прочитанное в тетрадь, или беседовал с дельными людьми, или предавался в одиночку размышлениям»[1].

Та часть гимназической библиотеки, которая хранится в музее, насчитывает около 800 экземпляров книг и журналов, изданных до 1829 г., т. е. до того, как Белинский покинул Пензу.

Несколько десятков книг имеют пометки первого директора С. Захарьина, который завещал свою личную библиотеку гимназии. Комплектовалась библиотека долго: самая старая книга в известной нам ее части — «Древняя история» г. Роллена, переведенная на русский язык В. К. Тредиаковским (т. I), издана в 1749 г. В последнем поступлении, которое Белинский мог читать во время своего пребывания в Пензе, — «Илиада» Гомера в переводе Н. И. Гнедича, изданная в 1829 г.

В экспонируемой части гимназической библиотеки больше всего сочинений русских писателей и поэтов XVIII в. (Сумарокова, Хераскова, Богдановича, Николева, Державина, Кострова, Петрова). С большинством из них Белинский познакомился еще в Чембаре, но в Пензе их сочинения были представлены зачастую полными собраниями, поэтому его могли заинтересовать те произведения, которые он не мог достать в уездном городе. По-прежнему привлекала поэзия В. А. Жуковского.

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 75.

5. Заказ 2010

[illegible] гимназии, я писал стихи [illegible] соперником Жуковского [illegible] ский своему гимназическому [illegible]

[illegible] преимущественное внимание [illegible] явления русской словесности.

«[illegible] нашей литературы, [illegible] ю живою, разнообразною, [illegible], богатою, — когда не было конца литературным новостям, не было конца изумлению и наслаждению [illegible] тся исполин нашей поэзии, полный и могучий [illegible] русского духа в искусстве — Пушкин [illegible] о новое стихотворение, показываясь [illegible] але, то в альманахе, расшевели[illegible] настроенные ожиданием чудес его [illegible] живою, чудною новостию»[1].

В [illegible] и произведения А. С. Пушкина заняли [illegible] ышое место. Одна из первых публикаций [illegible] журнале «Сын отечества» (№ 15, 18[illegible]) [illegible] помещен отрывок из третьей части «Руслана и Людмилы», как первоначально называлась [illegible] поэма. «Каким же удивлением должна [illegible]

[illegible] у подобного дотоле ничего не бывало, стих легкий, [illegible], мелодический, гармонический, живой, эла[illegible]ческий, и склад речи, и смелость кисти, и яр[illegible] фанта[illegible]ии, и игривое остроумие, и самая вольность нецеремонной [illegible] «Руслан и Людмила» [illegible]

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, [illegible].

ма, появление которой составило эпоху в истории русской литературы»[1].

Несомненно, что на этой оценке отразились и личные впечатления критика от первого знакомства с поэмой.

За «Русланом и Людмилой» последовали южные поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник», представленная в экспозиции изданием 1822 г., «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники». Белинский отметил их огромную популярность: «Их поэмы читались всею грамотною Россиею; их переписывали в тетрадках, перекладывали охотниками до стишков, учениками на школьных скамейках, украдкою от учителя, сидельцами за прилавками магазинов и лавок. И это делалось не только в столицах, но даже и в уездных захолустьях»[2].

К числу учеников, занимавшихся переписыванием стихов Пушкина на школьной скамье, относился и Белинский. О глубоком интересе будущего критика к творчеству Пушкина свидетельствует записная книжка Белинского-гимназиста за 1828 г. В экспозиции помещен ряд страниц из нее, на которых рукою Белинского переписаны такие стихотворения великого поэта, как «Демон», «[illegible]» и «Послание к А». Они были переписаны из альманахов «Северные цветы» на 1825 г. и «Полярная звезда» на 1824 и 1825 гг. Экземпляры «Северных цветов» на 1825 г. и «Полярной звезды» на 1825 г., представленные в экспозиции, хранились в библиотеке Пензенской гимназии, и, видимо, их Белинский [illegible]

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. VII, с. 102.
[2] Там же, с. 320.

В 20-е гг. XIX в. Пушкин был уже общепризнанным главой русской литературы. Но кроме него в литературу вступили не один десяток поэтов, которые вместе с ним создавали новую школу в русской поэзии. Их произведения Белинский хорошо знал уже со времени учебы в гимназии. В экспозиции помещены произведения И. И. Козлова («Чернец. Киевская повесть». СПб, 1827 — экземпляр из библиотеки Пензенской гимназии), Е. А. Баратынского («Эда. Финляндская повесть» и «Пиры. Описательная поэма». СПб, 1826), В. А. Жуковского («Шильонский узник». СПб, 1824), К. Н. Батюшкова («Опыты в стихах и прозе», ч. II. Стихи. СПб, 1817). «В это время чувствительные души плакали над рукописным «Чернецом» Козлова и беспрестанно повторяли лирические произведения Козлова, Баратынского, Веневитинова, Полежаева, Вронченко, Подолинского, Языкова, Хомякова, Дельвига, Глинки (Ф. Н.), Тепловой, Ознобишина, Туманского, Шевырева (особенно как талантливого переводчика Шиллера), Шишкова 2-го — переводчика немецкого театра, Писарева (водевилиста) и пр. При этом довольно значительном числе дарований, действовавших в одно время и под влиянием одного общего светила — Пушкина, действовал и великий талант старого периода литературы — Жуковский, и действовал, казалось, с новою силою. Даже изредка являлись басни Крылова. Всегда игривая, остроумная, а нередко и проникнутая грустным чувством муза князя Вяземского, казалось, получила новую жизнь. Мерзляков напоминал о себе в это время своими русскими песнями, Гнедич — отрывками из «Илиады», которая, наконец, и вполне была издана в 1830 году»[1].

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IV, с. 342.

На страницах записной книжки Белинского-гимназиста вписаны стихотворения Е. А. Баратынского «Елисейские поля», К. Н. Батюшкова «[illegible]-зину», Н. И. Гнедича отрывок из «Илиады», В. А. Жуковского «Мщение», Н. М. Языкова «[illegible]», П. А. Вяземского «Графиням С. Г. и С. Г. Чернышевым в проезд их через Москву» и других перечисленных им поэтов.

Большая часть этих стихотворений была впервые опубликована на страницах органа декабристов альманаха «Полярная звезда» на 1823, 1824, 1825 гг. Читая этот альманах и другие издания декабристов, Белинский знакомился и с их произведениями, полными свободолюбивых мотивов. Но назвать имена поэтов-декабристов в печати Белинский по цензурным соображениям не мог.

«По истории и географии Белинский считался отличнейшим учеником, ибо язык его обладал прелестью, увлекательностью рассказа; он был природный оратор, маленький Перикл, философ, каким и называли его сами товарищи»,— так рассказывал современник в воспоминаниях о тех впечатлениях, которые производил его восторженными ответами по этим предметам[1].

Далее Д. П. Иванов отмечает, что учитель истории и географии С. П. Знаменский был дилетант своей науки. Сам он плохо знал преподаваемые предметы и больше того, что сообщалось в учебниках, рассказывать не мог. Но, к его чести, пишет Д. П. Иванов, «...он с особенною любовью и одобрением выслушивал того ученика, который, передавая заданное, расширял объем его вставкою обстоятельств, почерпнутых из другого исторического руководства». Затем Д. П. Иванов описывает момент

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 72.

торжества [illegible] на уроке истории [illegible] Белинский, [illegible] и мастерскому [illegible] нашьной [illegible] по окончании [illegible] «Хорошо, [illegible] Ска-[illegible] И тогда Белин-ский [illegible] снова рас-[illegible] и ставит в заключение высший балл»[1].

З[illegible] Д. И. [illegible] успехи Белин-ского [illegible] предмета «С [illegible] Белинский [illegible] при [illegible] Быстро [illegible], [illegible] Белинский [illegible] географию, [illegible] с [illegible] все города Российской империи и [illegible] той или другой губернии, и [illegible] квартиры его [illegible] всех частей света и, сверх того, России особенно» [2].

В [illegible] представлены [illegible] XVIII [illegible] первой четверти XIX вв. [illegible] в экспози-ции) [illegible] со старыми журналами [illegible] Белинский [illegible] к их изучению. В [illegible] он писал: [illegible] или [illegible] сфере идей и мыслей уже не существующих, если их оживляют

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 72.
[2] Там же.

интересы, к которым мы уж[illegible] книга и этот журнал получ[illegible] кое достоинство [illegible] живыми летопис[illegible] лою умерших надежд, [illegible] ний, мыслей... вот почем[illegible] разрозненные номера «Поко[illegible] Аглаи», «Лицея», «Северного [illegible] журналов», «Благонамерен[illegible] почивших журналов, я [illegible] ностию и даже упоением [illegible]

Современная Белинск[illegible] шедшей до нас части библи[illegible] ставлена бедно, но доп[illegible] журналов и книг были д[illegible] пензенских купцов и чинов[illegible] бедевых, Писарских, учит[illegible] целом критик дал очень высокую [illegible] ским изданиям второй половины [illegible] XIX [illegible] «Что скажу я о журналах то[illegible]? Неужели умолчу о них? Они в [illegible] такую важность в глазах публики [illegible] себе такое живое участие, играли так[illegible] роль!.. Скажу, что почти все они, волею [illegible] умышленно и неумышленно, способствовали [illegible] пространению у нас новых понятий и взгл[illegible] по ним учились и по ним выучи[illegible] ли все, что мог каждый по своим силам» [1].

[illegible]

---

[1] [illegible]

Уголок экспозиции, посвященной пребыванию
В. Г. Белинского в Пензенской гимназии

своих статьях Белинский назвал наиболее популярных критиков 1820-х гг. А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Полевого, Н. И. Надеждина, подчеркнул внимание публики к основному вопросу того времени, смене классицизма романтизмом. Белинский опирался на свои собственные впечатления, когда писал в «Литературных мечтаниях»: «О них спорили до слез и в классах, и в гостиных, и на площадях и на улицах!» [1]

Основоположником борьбы за романтизм Белин-

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, с. 67.

ний считал А. А. Бестужева, который опубликовал в «Полярной звезде» на 1823 г. программную статью «Взгляд на старую и новую словесность в России». Статьи Бестужева принципиально отличались от предшествующей критики: «Его обзоры русской словесности отличались умом, новостию взгляда, блестели яркими сравнениями, удивляли живым, красноречивым изложением»[1], — отмечал Белинский. Ввиду того что Бестужев был осужден за участие в восстании декабристов, несколько лет он не имел возможности печататься. Однако влияние высказанных им идей прослеживалось и в третьем десятилетии XIX в.: «Он был первый, сказавший в нашей литературе много нового, так что все, писавшееся потом в «Телеграфе», было повторением уже сказанного им в его литературных обозрениях»[2].

Очень высокую оценку дал Белинский журналу, издававшемуся с 1825 г. Н. А. Полевым: «Московский телеграф» был явлением необыкновенным во всех отношениях. Человек, почти вовсе неизвестный в литературе, нигде не учившийся, купец званием, берется за издание журнала, — и его журнал с первой же книжки изумляет всех живостию, смелостию, новостию, разнообразием, вкусом, хорошим языком, наконец, верностию в каждой строке однажды принятому и резко выражаемому направлению... без всякого преувеличения можно сказать положительно, что «Московский телеграф» был решительно лучшим журналом в России, от начала журналистики»[3]. Этот журнал Белинский считал «как бы издававшимся для романтизма»[4].

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. X, с. 361.
[2] Там же, т. IV, с. 34.
[3] Там же, т. IX, с. 687.
[4] Там же, т. VII, с. 144.

Передавая восприятие журнальных и критических статей читателями, Белинский опирался во многом на собственные впечатления и вспоминал то возбужденное внимание, с которым русские читатели и слушатели встречали их появление.

В экспозиции помещен рукописный список двух первых глав романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Н. А. Полевой это произведение разобрал в 5-м томе «Московского телеграфа» за 1825 г., восторгаясь его оценкой на безнравственность, которая, по его мнению, заключалась в верном описании современных нравов. С Полевым прямо полемизировал Д. В. Веневитинов. Его «Разбор статьи о «Евгении Онегине», помещенной в 5-м томе «Московского телеграфа», был напечатан в 8-м номере журнала «Сын отечества» за 1825 г. Веневитинов, разделявший в это время настроения декабристов, считал, что первая глава романа слишком шутлива, обращена к светской жизни, далека от гражданских чаяний. Статья К. Ф. Рылеева «Несколько мыслей о поэзии», помещенная в 22-м номере «Сына отечества» за 1825 г., призывала деятелей искусства служить общественным интересам. Белинский несомненно знал и эти произведения.

После имен Бестужева и Полевого Белинский часто называет и третьего — популярного критика второй половины 1820-х гг. Н. И. Надеждина, начал свое литературное поприще в «Вестнике Европы», и начал там борьбу против романтизма. В первых статьях своих он писал под псевдонимом Надоумко. Статьи Надоумки отличались необыкновенною журнальною формою, оригинальностью, но сверх того строгостью языка, бойкостью и резкостью суждений... Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классическою... ни романтическою, но что в поэзии нашего

времени должны примириться [illegible] стороны и произвести новую поэзию. Мысль [illegible]дливая и глубокая, — г. Надеждин даже [illegible] и развил ее. Но тем не менее [illegible] тих уселила и не вошла в общее сознание»[1]

В [illegible] статья Н. И. Надеждина [illegible] за будущий год», напечатанная в 21-м номере журнала «Вестник Европы» за 1828 г.

На [illegible] бывания в Пензе [illegible] ванием, беседами с [illegible] наристами, [illegible] Впервые в Пензе [illegible] с профессиональным [illegible] пица [illegible] из лучших [illegible] его спектаклях [illegible]

Спустя много лет он [illegible] сание театральных [illegible] Театр! театр! каким магическим [illegible] Каким [illegible] ла вся [illegible] срывал [illegible] сошную со всем [illegible] со всею [illegible] ред тобою был [illegible] неба [illegible] солнце [illegible] твои [illegible] жадному [illegible] щейся ожиданием чудес душе моей!»[2]

---

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. V, с. 213.
[2] Там же, т. VIII, с. 519

Внимательным и восторженным зрителем изобразил Белинского художник Б. Лебедев (рисунок 1948 г.).

В экспозиции демонстрируется рисунок неизвестного художника «Театр в губернском городе 30-х гг. XIX в.», показаны афиши постановок пензенского театра за 1828 г. «Отелло», «Необитаемый остров», «Казачий офицер». Белинский любил смотреть также постановку трагедии А. П. Сумарокова «Димитрий Самозванец». На сцене театра Гладкова шли также пьесы В. А. Озерова «Эдип в Афинах» и «Димитрий Донской». Произведения Сумарокова и Озерова представлены в экспозиции в изданиях того времени.

Посещая представления в театре, наслаждаясь игрой крепостных артистов, Белинский знал об их горькой участи, возмущался издевательствами над ними помещика-тирана. Злоупотребления Гладкова были столь вопиющи, что власти были вынуждены взять его имение в опеку, об этом свидетельствует «Копия с решительного определения Пензенской палаты уголовного суда от 29 января 1832 г.».

Многие исследователи отмечали, что положение крепостных артистов в Пензе содействовало протесту Белинского против крепостного права, дало в его руки дополнительный фактический материал для создания драмы «Дмитрий Калинин», в которой раскрывается судьба крепостного интеллигента.

Гимназию Белинский не окончил. Он стал равнодушно относиться к учебе, он обладал большими знаниями, чем некоторые учителя, мечтал об университете. Он знал, что для поступления в него гимназический аттестат не требовался, и надеялся еще летом 1828 г. уехать в Москву. Белинский даже отказался в конце учебного года сдавать пере-

водные экзамены, но, по-видимому, не получил поддержки со стороны родных и был вынужден стать второгодником. Теперь посещение гимназии потеряло всякий смысл. Белинский, как свидетельствует Д. П. Иванов, «в Рождество уехал в Чембар и не возвращался уже в гимназию, заявлений о своем выходе из нее он не делал, никаких документов получать ему было не нужно, и вот почему в январе 1829 г. в гимназических ведомостях о нем было отмечено, что за нехождение в класс не рекомендуется, а в феврале того же года он был вычеркнут из списков с отметкой «За нехождение в класс»[1]. Февральская ведомость гимназии за 1829 г. подтверждает это сообщение Д. П. Иванова.

Время с декабря 1828 по август 1829 г. Белинский провел в Чембаре и много занимался самостоятельно, неотступно думая об университете. Он был готов на все, лишь бы уехать учиться, но в Москву отправлялся его дальний родственник И. Н. Владыкин; он решил присоединиться к нему, хотя не успел еще выхлопотать необходимые для поездки документы. Пришлось выдать себя за лакея И. Н. Владыкина.

Перед отъездом Белинский дал обещание А. П. и Д. П. Ивановым описать свое путешествие и выполнил его. До нас дошло его письмо от 20 декабря 1829 г. и «Журнал моей поездки в Москву», где события излагаются в виде повести или, лучше сказать, рассказа».

Не верилось, что он уезжает так далеко, раньше не приходилось покидать пределы Пензенской губернии. «Я расстался с ними с чувством совершенной холодности и спокойствия: мне казалось,

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 76.

что я еду не далее Владимира», — обращается он к друзьям [illegible]. На самом деле ему предстояло [illegible] обширнейшую часть России [illegible] 650 верст. [illegible] проследить по [illegible] части Российской империи [illegible] дорог и расстояний [illegible] изданной в Петербурге [illegible] подробно излагается в «Журнале»

В Московском университете

[illegible] Спасск, [illegible] и Бронницы. В пути [illegible] к [illegible] природа, лес, [illegible] детали русской [illegible] подробности маленьких дорожных происшествий

О[illegible] на него столица [illegible], но чем [illegible], тем более [illegible] городов Москва [illegible] свою [illegible] историческими [illegible] печатью священной [illegible] и [illegible] то [illegible] сердце русского не бьется так [illegible], как в Москве».

[illegible] Кремля [illegible] «Монумент Минина и Пожарского [illegible] площади, против Кремля. [illegible] мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мною тогда делается! Какие священные

ство возбуждает во мне это изваяние! Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое и холод пробегает по телу. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не потонут в океане вечности. Пиит сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»[1]

Памятник, восхитивший Белинского, изображен на литографии издания Дациаро «Москва. Красная площадь» (середина XIX в.).

Лично Белинского Москва встретила неприветливо. На заставе все-таки пришлось сказаться лакеем [illegible] Н. Н. Владыкина, иначе его арестовали бы. Это неприятно задело самолюбие юноши. Из-за отсутствия паспорта и свидетельства о рождении его не допустили в августе и к экзаменам в университет. Только 11 сентября он получил нужные документы из дома, и сразу же, на следующий день подал в правление университета прошение: «Родом я штаб-лекарский сын, от роду имею 18 лет, обучался в доме моих родителей, а ныне желая продолжать курс наук, для большего моего образования, в императорском Московском университете, прошу Правление оного, по надлежащем моем испытании, принять в число студентов оного университета и допустить к слушанию лекций по словесному отделению».

19 сентября Белинский держал вступительные экзамены у профессоров Перевощикова (математи-

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 31.

ка), Терновского (закон божий), Гаврилова (словесность), Н...ловича (история и география), Ивашковского (древние языки), Кистера и Гечнекена (немецкий и французский языки). Экзамены прошли успешно, профессора сообщили в правление университета, что они экзаменовали Виссариона Белинского в языках и науках, требуемых от вступающих в университет в звании студента, и нашли его достойным к слушанию профессорских лекций в сем звании».

Мечта Белинского осуществилась. С восторгом пишет он родителям 26—30 сентября 1829 г.: «С живейшею радостию и нетерпением спешу уведомить вас, что я принят в число студентов императорского Московского университета. Тем более меня радует и восхищает принятие в университет, что я этому обязан не покровительству и стараниям кого-нибудь, но собственно самому себе». Далее прилагается выбранная Белинским программа: «Я начал ходить на лекции и записался на первый академический год у следующих профессоров словесного отделения: у Каченовского, который читает историю русскую и статистику, Победоносцева, который читает словесность,

Терновского, — « — богословие,
Ульрихса, — « — всеобщую историю,
Кубарева, — « — латинскую словесность,
Еннекена, — « — французскую словесность,
Кистера, — « — немецкую словесность,
Оболенского, — « — греческую словесность».

Белинский по-разному оценивал роль Московского университета в жизни России, у него есть резко отрицательные отзывы, но общая оценка несомненно положительная. «Московский университет — единственное высшее учебное заведение в

России; он не знает себе соперника. В Московском университете есть дух жизни, и его движение, его ход к усовершенствованию так быстр, что каждый год он уходит вперед на видимое расстояние[1].

Портреты лиц, оказавших значительное воздействие на Белинского, вместе с материалами, характеризующими их деятельность, широко представлены в экспозиции. Среди названных в письме к родителям профессоров университета особо выделяется М. Т. Каченовский. Белинский искренне уважал профессора, который был противником Карамзина, не принимал его «Истории государства Российского», ее концепции, направленной на защиту реакции и прав самодержавия, оправдания крепостного права. Каченовский, в будущем ставший главой «скептической» школы русских историков, сразу же по выходе первых томов труда Карамзина поместил в 1818—1819 гг. в «Вестнике Европы» статью «От киевского жителя к его другу», в которой развил мысль об ограниченности монархической концепции Карамзина. Теперь Каченовский предлагал историку быть нравственным и требовал вместо художественного повествования критического отношения к источникам и строгого изучения минувшего. Белинский не терпел отсталого, косного отношения. В «Литературных мечтаниях» критик писал: «Мы успели и в истории сделать весьма немного... Теперь у нас две исторические школы: Шлецера и г. Каченовского. Одна опирается на давности, преданий, уважение к авторитету ее основателя, другая основывается, понимаю, на здравом смысле и глубокой учености»... Впоследствии мне кажется очень естественным, что настоящее поколение, чуждое воспоминаний старины и предубеждений авторитетов, горячо

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. III, с. 226.

6. Заказ 2010

привило исторические мнения г. Каченовского»[1]. Пользовался популярностью курс русской и всеобщей истории, который читал М. П. Погодин. Об интересе начинающего критика к его лекциям говорит рукописная тетрадь «Русская история. Лекции, читанные адъюнктом Московского университета Погодиным 1833 год. Принадлежит Виссариону Белинскому». Он переписал курс Погодина, уже покинув университет. По воспоминаниям современников, лекции Погодина были полезны начинающим студентам, так как вводили их в проблемы современной историографии. Белинский знал о деятельности Погодина еще в Пензе прежде всего как издателя журнала «Московский вестник» и автора ряда повестей. Позднее Белинский высказался о них сочувственно в статье «О русской повести и повестях г. Гоголя».

Автором выдержавшей 8 изданий книги «Краткое руководство к российской словесности в двух частях» (М., 1822) был А. Ф. Мерзляков. Гимназисту Белинскому он также был известен как критик, переводчик и автор песен. В университете студент Белинский посещал его лекции по курсу «Российского красноречия и поэзии». «Мы сами слышали однажды, как глава классических критиков, почтенный, ученый и даровитый Мерзляков, сказал с кафедры: «Пушкин пишет хорошо, но, бога ради, не называйте его стихов поэзиею!» — вспоминал сам критик в статье о Пушкине[2].

Белинский высоко ценил Мерзлякова-критика за борьбу с литературными староверами, за развенчание авторитетов Сумарокова, Хераскова и других писателей XVIII в., хотя в общем отрицательно от-

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. I, с. 88.
[2] Там же, т. VII, с. 368

носился к его теории, основанной на правилах классицизма.

С симпатией относился Белинский и к профессору университета Н. И. Надеждину, который читал курс эстетики и теории искусства. В его трудах провозглашался лозунг: «Где жизнь — там поэзия». Это была установка нового реалистического направления в искусстве, направления, активным сторонником которого вскоре стал сам Белинский.

Но в целом университетская наука не могла удовлетворить запросов Белинского и других студентов. Белинский поступил в университет на словесное отделение, чтобы углубленно изучать русскую литературу. Он пришел, уже будучи страстным поклонником Пушкина, а в лице своего преподавателя — профессора П. В. Победоносцева нашел автора работы «Заслуги Хераскова в отечественной словесности», содержание которого в значительной степени разделял А. Ф. Мерзляков. Белинский свое отношение к Хераскову выразил в письме к родителям от 9 октября 1829 г.: «Взойдя в университетскую библиотеку, там стоят алебастровые бюсты великих гениев: Ломоносова, Державина, Карамзина. Жалко, что между помянутыми бюстами великих писателей стоит бюст и площадного Сумарокова, холодного, напыщенного и сухого Хераскова». Естественно, что лекции Победоносцева не могли нравиться Белинскому, и он вскоре охладел к занятиям. В конце первого года на экзамене Победоносцева по русской словесности он получил «тройку», а в конце второго года — «двойку».

Именно под впечатлением преподавания Победоносцева и подобных ему у Белинского вырвались горькие слова: «Ни в одном русском университете нельзя получить молодому человеку прочного основания для будущих его занятий науками: и что для

[illegible] ное, погубленное время»[1].

[illegible]

[1] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XI, с. 143
[2] [illegible] 1950, с. 27.
[3] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. IX, [illegible]

сложившемуся у него еще в Чембаре, — вписывать избранные стихотворения в особые тетради. Маленькую тетрадь заполняют стихотворения поэтов, вошедших в литературу во второй половине 20-х гг.: Веневитинова, Полежаева, Хомякова, Языкова. Переписаны два замечательных стихотворения А. С. Пушкина: «Стансы» и «Пророк». Оба произведения впервые были опубликованы на страницах журнала «Московский вестник». Стихотворение Полежаева «Живой мертвец» [illegible] с жертвах первых лет царствования Николая I, [illegible] декабристов [illegible] кружка передовой молодежи в конце 20-х гг. Из альманаха «Денница» на 1830 г. Белинский выписал «Песню» Языкова («Нелюдимо наше море»), которая стала студенческим гимном. В этой тетради вписаны также стихи второстепенных поэтов Загорского, Туманского, Олина, Башилова.

Во время учебы в университете Белинский [illegible] противником [illegible] литературного направления. По воспоминаниям его [illegible] Прозорова, «Пушкина [illegible] в [illegible] Между [illegible] Белинский, который [illegible] в [illegible], [illegible] Державина, [illegible] фразы»[1].

---

[1] В. Г. Белинский в воспоминаниях современников, с. 108—109.

В. Г. Белинский среди студентов университета.
С рисунка художника Б. И. Лебедева

Вскоре после поступления в университет В. Г. Белинский на почве общих интересов подружился с некоторыми студентами, прежде всего с Н. Л. Григорьевым, сыном лекаря Чембарского уезда, товарищем П. Я. Петровым. В письме Иванову Белинский так рассказал о своем сближении с Петровым: «Скажу Вам, что я подружился с П. Я. Петровым, приятелем Н. Л. Григорьева. Мы часто бываем вместе, говорим о литературе, науках и других интересных предметах и всегда расстаемся с новыми идеями и новыми мыслями. Вот дружба, которою я могу по справедливости хвалиться! С П. Я. Петровым я в первое свидание не говорил ни слова, во второе поспорил, а в третье подружился.

Что это за человек! Какие познания! Какие способности! Он превосходно знает по-французски; может читать германских и итальянских писателей и отчасти говорить на их языках. Знает несколько по-английски, хорошо по-арабски и персидски. Пишет прекрасные стихи. В занятиях языками и науками неутомим, как Тредьяковский. Он еще хорошо знает по-латыни и порядочно по-гречески. Жадность к познанию языков в нем удивительная: хочет учиться еще по-санскритски и турецки. Особенно любит восточные языки».

Петров был также переводчиком. Отрывок из поэмы Джона Мильтона «Потерянный рай» в переводе П. Я. Петрова с посвящением В. Г. Белинскому был напечатан в 22-м номере журнала «Галатея» за 1830 г.

Н. Л. Григорьев перевел с итальянского языка роман итальянского революционера Уго Фосколо «Письма Якопо Ортиса», который был издан в Москве в 1831 г.

Друг Белинского М. Б. Чистяков тоже интересовался литературой и во время учебы в университете издал переведенную им книгу немецкого философа Бахмана «Всеобщее начертание теории изящных искусств» (М., 1832)

Эти книги в экспозиции.

Первым критическим опытом самого Белинского явилась рецензия на анонимную брошюру «О «Борисе Годунове», сочинении Александра Пушкина. Разговор. Москва. В университетской типографии. 1831», которая была помещена в номере 15-м журнала «Листок» за 1831 г. В небольшой заметке Белинский, изложив мнения ведущих русских журналистов — К. А. Полевого, И. В. Киреевского, Н. И. Надеждина — об этом произведении Пушкина, высоко оценил это произведение.

Так началась критическая деятельность Белинского, начавшись с оценки творчества великого русского поэта.

Уже через полтора месяца после приезда в столицу в письме родителям от 9 октября 1829 г. он сообщает: «Я был четыре раза в театре... Видел в ролях Отелло и Карла Моора знаменитого Мочалова, первого, лучшего трагического московского актера, единственного соперника Каратыгина. Гений мой слишком слаб, слишком ничтожен, недостаточен, чтобы достойно описать игру сего неподражаемого актера, сего необыкновенного гения, сего великого артиста драматического искусства. Лучший комический актер здесь — Щепкин: это не человек, а талант: вот лучшая и справедливейшая похвала его».

О знакомстве Белинского с театральной жизнью Москвы рассказывают следующие экспонаты: акварель неизвестного художника 20-х гг. XIX в. «Большой и Малый театры в Москве» (копия К. Батуева), «М. С. Щепкин в роли Гарпагона» (рисунок В. [illegible] 30-х гг. XIX в. Копия Г. П. Прокошкова), афиша Большого театра в Москве за 1835 г. о представлении «Разбойников» (в роли Карла Моора выступает П. С. Мочалов), журнал «Галатея», номер 7, 1829 г. (разбор постановки трагедии Фридриха Шиллера «Разбойники») и другие материалы. «Театр это непременно должно посещать для образования вкуса и для того, чтобы, зная игру великих актеров, иметь идеи в этом божественном искусстве. Я люблю его таково, отчаянно, которое требует, чтобы иметь познание и вкус во всех почти изящных искусствах», — писал Белинский матери.

Но вокруг кипела бурная студенческая жизнь, в стране и за рубежом происходили важные события. Белинский не мог оставаться к ним равнодушным.

Подавив восстание декабристов, [illegible] прави-тельство настойчиво проводи[illegible] вания всего про[illegible] тарских настроений был М[illegible]. Незадолго до поступлени[illegible] [illegible] общест[illegible] ев Критских и Сунгуро[illegible]. Одновременно [illegible]ским в университете учи[illegible]ись Герцен, О[illegible] [illegible] шагом. [illegible] из них должен был дать обязательство о непринадлежности к тайным [illegible]. Такой доку[illegible] [illegible] ложе и ни к какому тайному обществу ни внутри империи ни вне ее не принадлежу, и обязуюсь впредь к оным не [illegible] иметь. Своекоштный студент словесного отделения Виссарион Григорьев сын Белинский».

Большое влияние на развитие вольнолюбивых мыслей, революционных настроений многих студен-[illegible] ве: «17 ноября, в половине восьмого часа вечера, во-[illegible]

внутренние покои его императорского высочества цесаревича. В продолжение 18 часов возмущение в Варшаве постепенно разрасталось, и польские армейские войска открыто поддерживали мятежников».

В начале марта 1831 г. в Московском университете случилось происшествие, которое встревожило николаевские власти: казеннокоштные студенты, недовольные скверной пищей, сговорились, не пошли обедать в столовую. Студенты из одиннадцатого нумера, в котором жил Белинский, приняли активное участие в этом выступлении. Белинский находился на казенном кошту и о своем положении незадолго до этого выступления писал родителям в письме от 17 февраля 1831 г.: «Бывало, в номере жило не более как человек пять, или много-много по одиннадцати человек, а теперь по пятнадцати, семнадцати и девятнадцати. Сами посудите: можно ли при таком множестве заниматься делом? Пища в столовой так дурна, так гнусна, что невозможно есть. Я удивляюсь, каким образом мы уцелели от холеры, питаясь лавошною падалью, стервятиной и супом с червями. Невозможно исчислить всех неудобств казенного кошта».

16 марта 1831 г. студенты изгнали из аудитории бездарного и реакционного профессора М. Я. Малова. Этот факт был также хорошо известен Белинскому, ибо в письме родителям от 24 мая он сообщал: «В университете нашем произошли важные перемены. Скажу только, что дуракам профессорам дана вся власть, да и только. Одного скота недавно освистали и ошикали на лекции, и за это его же приказано выгнать из университета».

Как установил М. Я. Поляков, Белинский в это время был связан с революционно настроенными поляками, проживавшими в Москве. Об этом свидетельствуют помещенные в экспозиции «Дело III

отделения «О песне возмутительного содержания, найденной в доме Чаусовского г. Сыщика Силина, 1833 года» и лист того же дела с упоминанием фамилии Белинского в показаниях Тадеуша Дадь-Заблоцкого, который свидетельствовал, что [illegible] Белинский ввел его в один из центров дворянской оппозиции в Москве.

О неблагонадежности других питомцев Московского университета свидетельствует «Дело III отделения о лицах, певших в Москве пасквильные песни. Об Александре Герцене. 1834 год»

От проницательного взгляда Белинского не укрылся факт проявления нерасположения к университету со стороны царя, о котором он сообщал в письме родителям от 21 ноября 1831 г.: «Теперь в Москве гостит государь император с государынею императрицею... Государь был везде, кроме университета! Даже гимназию удостоил своего высокого посещения, а нас его уже и не ждем... По всему видно, что Московскому университету настает кончина!»

Драма «Дмитрий Калинин». Изгнание из университета

Осенью 1830 г., во время эпидемии холеры в Москве, Белинский вместе со своими товарищами, казеннокоштными студентами, был посажен на карантин, который продолжался около трех месяцев. В этот период было прекращено чтение лекций, закрыты театры. Студенты свободное время заполняли самодеятельными театральными постановками, чтением и обсуждением литературы, своих собственных сочинений. Белинский пробует свои силы в драме, начатой еще во время летних каникул 1830 г. Затворничество помогло завершить ее. В

письме к Ивановским от 13 января 1831 г. Белинский сообщал: «Я кончил свою трагедию — и вы скоро будете иметь удовольствие читать ее в печати. В продолжение холеры нас заперли. Для рассеяния от скуки я и еще человек с пять литераторов составили маленькое литературное общество. Еженедельно было у нас собрание, в котором каждый из членов читал свое сочинение. Это общество, кончившееся седьмым заседанием, принесло мне ту пользу, что заставило меня окончить мою трагедию, которая без этого едва ли бы когда-нибудь была написана. Если я разживусь через нее казною, то употреблю оную на то, чтобы сорваться с казенного кошта, который так сладок, что при одном воспоминании об оном текут из глаз не горючие, а кровавые слезы!» Впоследствии кружок был назван исследователями «литературным обществом одиннадцатого нумера».

Белинский хотел видеть свое произведение в печати, кроме всего прочего он надеялся получить материальную независимость, избавиться от ненавистного казенного кошта.

Идейную направленность драмы «Дмитрий Калинин» В. Г. Белинский в другом письме выразил словами: «В этом сочинении со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость, — я в картине довольно живой и верной представил тиранства людей, присвоивших себе гибельное и несправедливое право мучить себе подобных».

В экспозиции музея представлен цензурный экземпляр драмы «Дмитрий Калинин» на фоне декорации театральной постановки этой пьесы в Пензенском областном драматическом театре им. А. В. Луначарского. Долгое время считалось, что это произведение пригодно лишь для чтения, а не для

сцены. Но ее постановка, талантливая игра артистов опровергли это мнение. Пьеса была поставлена в 1957 г., шла с большим успехом в течение нескольких лет, была показана на сцене гастролей театра в Москве и одобрена зрителями. В экспозиции показаны также фотографии сцен из этого спектакля.

Содержание драмы — судьба крепостного интеллигента, восставшего против своего помещика и погибшего в неравной борьбе с крепостниками помещиками, с несправедливостью

Белинский одним из самых первых в истории русской литературы обратился к изображению образованного, пылкого, кипящего жаждой воли молодого человека, которого губит крепостное состояние.

Драма «Дмитрий Калинин» явилась для Белинского итогом его наблюдений за жизнью крепостного мира и творческим его размышлением о судьбе человека в условиях крепостнической России, сказалось в произведении и широкое знакомство автора с русской и мировой литературой, передовыми идеями своего времени.

Драма в широком философском смысле обобщила тот громадный материал, который Белинский вынес из Пензенской губернии, в этом отношении она закономерно венчает период жизни великого критика, который связан с Чембаром и Пензой. Письма Белинского и документы, выставленные в экспозиции, с непреложностью свидетельствуют об этом.

Довольно точно устанавливаются жизненные прототипы.

«Не могу решительно определить достоинство моего сочинения, но скажу, что оно много наделает шуму. Вы в нем увидите многие лица, довольно

[illegible]», — говорит Белинский в письме родителям от 22 января 1831 г.

[illegible] с их прототипами из [illegible] Пензен[illegible] исследователи творчества Белинского — П. К. Шугаев, М. П. [illegible] документов, [illegible] в Пензенском облархиве, [illegible] на страницах драмы В. С. Нечаева[1].

[illegible] реальное лицо. В [illegible] учеников Пензенской гимназии [illegible] 1826/27 [illegible] среди [illegible] Дмитрий Калинин, [illegible] Предпо[illegible] Дмитрий Калинин был [illegible] Среди уча[illegible] крепостной.

На [illegible] экземпляра драмы «Дмитрий Калинин» можно прочитать слова [illegible] героя, объясняющие формирование [illegible] рано сдела[illegible] направление [illegible] поэзии, [illegible] В ней пробуди[illegible] благородному [illegible]

[illegible] благородный че[illegible]

---

[1] В. С. Нечаева. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности, с. [illegible]—327.

определяет трагическое развитие действия и его развязку.

В некоторой степени прототипом героя драмы был крепостной надзиратель Чембарского уезда Максим Петров. Его судьба могла быть известна Белинскому со слов отца, который написал документ об освидетельствовании Максима Петрова, изувеченного помещиком Дубасовым.

Другие лица трагедии совпадают с членами семьи помещиков села Поляны Чембарского уезда Мосоловых. Ее состав такой же, как и в семье «благодетеля» Дмитрия Калинина, — два сына и дочь.

На страницах драмы возлюбленная Дмитрия Софья так характеризует своих братьев: «Ах если бы ты знала моих любезных братцев! Не буду много говорить тебе об них, скажу только, что буйство, повесничество, жестокость и безнравственность есть отличительные качества этих негодяев». «Дело об отставном штабс-капитане Александре Мосолове, судившемся за разные предосудительные поступки», представленное в экспозиции, свидетельствует о близости прототипов и персонажей.

Портрет Софьи, описанный главным героем, напоминает образ Анны Петровны Мосоловой, с которой Белинский был дружен: «Она имеет высокий рост, величественную осанку; на возвышенном челе ее отражаются признаки ума и благородства. Ты не можешь представить себе, какую неизъяснимую прелесть имеют ее черты, какие глаза, как пламенны, горды ее взоры, как сладостен ее голос, как очаровательна улыбка!» Сходные замечания высказаны об А. П. Мосоловой в письме Е. П. Ивановой к В. Г. Белинскому от начала января 1831 г.

Это произведение было направлено против тя-

желого [illegible] кре-
постных крест[illegible]

[illegible] ложении крестьян на хуторе Богохрани-
[illegible] ловым

[illegible] материал, Бе-
[illegible] показал [illegible]
[illegible] изобра-
[illegible] реальность кон-
[illegible]
щественно-п[illegible] 1820 -
1830-х годов [illegible] В. Г.
Белин[illegible]
[illegible] явились итогом его соб-
[illegible]
нин». Следует отметить некоторы[illegible]

Прави[illegible]

[illegible] Нечаев[illegible] ло жизненного
[illegible] литературной д[illegible]

[illegible] Г. Белинский [illegible]

крепостным вручил [illegible] права, у Радищева его обвинителем является сам автор, а у Белинского герой драмы, крепостной, поднимается до активного протеста. Следует отметить, что в Пензенской гимназии вместе с Белинским и Д. Калининым учился [illegible], воспитанник Н. А. Радищева, сына писателя-революционера.

Много сходных ситуаций можно найти в драме «Дмитрий Калинин» и комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль». Отдельные [illegible] Простаковых [illegible] — жертвы их произвола.

Очень близкими по смыслу являются сцены комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» и драмы В. Г. Белинского. [illegible] с презрением [illegible] Как и Чацкий, герой драмы Белинского [illegible] Но если Чацкий [illegible], то Дмитрий Калинин гибнет в неравной борьбе.

Есть в драме и автобиографические моменты. Белинский [illegible] лиц [illegible] Возлюбленная Дмитрия Софья [illegible] «Когда ты читал мне, как Брут [illegible] жизнь [illegible] Лукреции, Виргиния [illegible] свободы, [illegible] как Сусанин [illegible], — я пристально смотрела на лицо твое и с восторгом замечала, что оно пылало, что глаза твои сверкали, что [illegible] Дмитрий! [illegible] эти благородные [illegible] как [illegible]

В. Г. Белинский в цензурном комитете.
С рисунка художника Б. И. Лебедева

притворством? Дмитрий! Слышишь ли ты голос этих великих теней: они говорят тебе, что убить себя не есть преступление, когда честь запрещает жить!»

В сцене объяснения в любви Дмитрия и Софьи указывается на увлечение театром, читаются сцены из трагедии В. А. Озерова «Фингал». Близок Белинскому был и Н. И. Новиков, который выступал против тунеядства и предрассудков дворянства.

Мотив кровосмешения Белинский мог заимствовать из повести Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм».

Из западноевропейских писателей наибольшее влияние имели на Белинского Вольтер и Шиллер.

Драма «Разбойники» Шиллера представлена в экспозиции изданием 1793 г.

При всех своих драматургических слабостях трагедия Белинского «Дмитрий Калинин» на фоне массовой литературы того времени была явлением незаурядным. О[illegible].

Белинский [illegible] митет при Московском университете, ее рассматривал цензор Л. А. Цветаев, который дал отрицательное заключение на заседании [illegible] 1831 г. Драму было решено запретить и рукопись оставить при делах комитета, где она пролежала в течение 60 лет, пока не была опубликована в «Сборнике любителей российской словесности на 1891 год».

«Не буду много распространяться [illegible], скажу только, что несмотря на [illegible] цензор в присутствии всех членов комитета [illegible] мое сочинение и мои таланты, как нельзя лучше, что оно признано было безнравственным, [illegible] университет, и об нем составили журнал», — сообщал родителям Белинский 17 февраля 1831 г.

Белинский [illegible], начальство следило за каждым его шагом. Не вызывали сочувствия ни [illegible] талантливого студента, ни его независимая манера держаться, несмотря на бедность и трудное положение.

К тому же он сильно расстроил свое слабое от природы здоровье, находясь на казенном коште. В сентябре 1832 г. он был исключен из университета. В письме матери от 21 мая 1833 г. он пишет: «Я не буду говорить Вам о причинах моего выключения из университета: отчасти собственные промахи и нерадение, а более всего продолжительная болезнь и подлость одного толстого превосходительства. Ныне времена мудреные и тяжелые: подобные происшествия очень нередки».

Этим «пагубным» превосходительством был Д. П. Голохвастов, помощник попечителя Московского университета. В «Журнале» правления университета, представленном в министерство, говорится: «Согласно предложению г-на помощника попечителя находящихся на казенном содержании слушателя Семена и студента Белинского уволить из университета». Причина увольнения указана такими словами: «По слабому здоровью и притом по ограниченности способностей». Но это нисколько не помешало дальнейшему развитию Белинского.

Белинский оказался в ужасном положении, остался без куска хлеба, без крова, с совершенно расстроенным здоровьем. Помощи ждать было не от кого и неоткуда. О своей дальнейшей борьбе за существование он рассказывал: «Я перешел к Алексею Петровичу, купил один французский роман в 4 частях, а Ромашкову с великим трудом, просиживая иногда напролет целые ночи, а во время дня не слезая с места, перевел его, в надежде приобрести рублей 300, но фортуна и тут преследовала меня: в газетах было объявлено о другом переводе этого самого сочинения, и потому я едва, едва могу получить 100 рублей ассигнациями... Наконец, в половине прошлого года я познакомился с профессором Надеждиным и начал переводить в его журнал ...».

Роман Поль де Кока «Магдалина» в переводе В. Г. Белинского вышел в свет в 1833 г. Переводчик указан инициалами В. Б. Эта редкая теперь книга представлена в экспозиции. Исключенный из университета, лишенный права поступить на государственную службу, Белинский стремился стать профессиональным литератором.

«Я перевожу Надеждину статейки в «Молву» и «Телескоп», вот названия моих переводов: «Лейпцигская битва», «Необразованные азбукин», «Не-

некоторые черты из жизни Людовика Святого», «Последние минуты Кабинетного», «День в Константинополе» (№ 59 и 60), а в «Телескопе» будут помещены «Письмо о музыке» и «О Египетской медицине». Перевожу из «Revue étrangère» «Невероятные обыкновения»», — пишет он К. Г. Белинскому 21 мая 1833 г.

Заработка от этих переводов едва хватало на житье впроголодь, но энергию Виссариона ничто не могло сломить. Напротив, уверенность в собственных силах, надежда на будущее окрыляют его. В письме к матери от 20 сентября 1833 г. он говорит: «Я нигде не нахожу себе приюта. Несмотря на все гонения жестокой судьбы, чистая совесть, уверенность в незаслуженности несчастья, небольшой запас ума, порядочный запас опытности, а более всего некоторая твердость в характере не дадут мне погибнуть. Не только не жалуюсь на мои несчастия, но еще радуюсь им. Собственным опытом узнал я, что школа несчастия есть самая лучшая школа. Будущее не страшит меня».

Через год после этих строк в журнале «Молва» появилась статья «Литературные мечтания», трезво оценившая состояние русской литературы и наметившая новые пути для нее. С этой статьи началась история русской научной литературной критики.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СЕМЬЯ БЕЛИНСКИХ 7

Приемная для больных . . . 12
Кабинет Г. Н. Белинского . . . 15
Гостиная . . . 21
Столовая 27
Спальня 32
Буфетная . . . . . . 3[illegible]
Детская 38
Кухня 41
Усадьба 43

II. ЮНОСТЬ НЕИСТОВОГО ВИССАРИОНА 46

Из истории Чембара и уезда . . 49
В уездном училище 56
В губернской гимназии . . . 63
В Московском университете . . 78
Драма «Дмитрий Калинин». Изгнание из университета 91

Валентин Павлович Арзамасцев
Евгений Александрович Грачев

МУЗЕЙ-УСАДЬБА
В. Г. БЕЛИНСКОГО

Редактор *Л. Н. Толмириди*
Художественный редактор *В. К. Иванов*
Технический редактор *Л. И. Борисова*
Корректор *Р. И. Богданова*

ИБ 438
Сдано в набор 28.12.1978 г. Подписано в печать 7.06.1979 г. ФЛ 24658. Формат 70×100$^1/_{32}$. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,2 (3,25). Уч.-изд. л. 4,1. Тираж 100 000. Заказ 2010. Цена 35 коп.

Приволжское книжное издательство.
Саратов, пл. Революции, 15.

Типография издательства «Коммунист»,
Саратов, ул. Волжская, 28.

ЕГО ИМЯ ЧТЯТ ПОТОМКИ

1914 г.

В городе Чембаре на средства, собранные по всероссийской подписке, построено здание Народного дома им. В. Г. Белинского.

1918 г.

Обсуждение вопроса о состоянии дома Белинских и мер по его охране на совместном заседании укома и горкома РКП(б).

1938 г.

В доме Белинских открыт литературно-мемориальный музей В. Г. Белинского.

1948 г.

Советский народ отметил столетие со дня смерти В. Г. Белинского.

Город Чембар переименован в город Белинский.

В здании Чембарского уездного училища открыта литературная экспозиция, раскрывающая жизнь и деятельность В. Г. Белинского.

1961 г.

Стопятидесятилетие со дня рождения В. Г. Белинского. Открытие в здании Чембарского уездного училища новой литературной экспозиции о жизни и деятельности В. Г. Белинского.

1969 г.

Постановление Совета Министров РСФСР по благоустройству Государственного музея В. Г. Белинского. Преобразование музея в музей-усадьбу.

1976 г.

Открытие в доме Белинских экспозиции «Жизнь семьи Белинских в Чембаре».

1977 г.

Открытие в здании Чембарского уездного училища литературной экспозиции «Юность неистового Виссариона».

1978 г.

В городах Пензе и Белинском состоялась научная конференция по вопросам белинсковедения с участием ведущих ученых, работающих в этой области.

35 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1979